

16+

Сергей Еримия

Отголоски тишины

Сергей Владимирович Еримия

Отголоски тишины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42123650

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман-беседа, роман-рассказ, роман-общение. Умение говорить, а более всего умение слушать делает человека человеком. Увлекательный разговор с хорошим собеседником это лучший способ узнать что-то новое, почерпнуть для себя массу интересного и познавательного, а уж если он знает о тебе больше, помнит больше чем ты сам! Да, полезно иногда вспомнить все, оглянуться, задуматься. Выслушать, сделать правильные выводы, а может даже попытаться вернуть то, что кажется утерянным безвозвратно.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	32
Глава четвертая	46
Глава пятая	55
Глава шестая	61
Глава седьмая	72
Глава восьмая	75
Глава девятая	84
Глава десятая	93
Глава одиннадцатая	100
Глава двенадцатая	107
Глава тринадцатая	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Синеглазому Вдохновению с благодарностью

Глава первая

Раскатистый с нарастающей громкостью звук медленно расползся в ограниченном каменными стенами пространстве. Усилился он, исказился, многократно преломляясь и пересекаясь со своими отражениями. Чутьочку поплутал в узком коридоре и угрожающим рокотом протиснулся в щель неплотно прикрытой двери. Просочился в тесную келью, проник в напряженное сознание...

Лишь долю секунды новый звук просуществовал. Стих он, сник, растаял. Осталось только осознание того непреложного факта, что был он, существовал, пусть лишь секунду, пусть лишь мгновение.

Скрип, разум моментально идентифицировал звук и тут-таки взялся за выявление его источника. Медленно, нехотя, через силу, зашевелились мысли, будто и сами они поскрипывали, ползая в неповоротливом сознании. Так пролетела минута, за ней еще одна. Получилось. Воображение нарисовало картину, нечеткую, неяркую, но такую понятную, такую долгожданную – этажом выше в глубине коридора отворилась дверь. Дубовая дверь кельи настоятеля. Наконец-то!

Никто не смог бы точно сказать, как долго молодой монах ждал этого часа. Сколько времени прошло, сколько секунд промелькнуло, минут, часов. Да и бессмысленно считать время. Сколько бы его ни было, ушло оно, сплыло, все

до последнего мгновения, его уже не вернуть.

Брат Иоанн плотнее прижался к холодным камням, из которых умелыми руками каменщика была сложена его келья. Он все услышал, все понял, все осознал. Теперь оставалось только ждать.

Продолжение. Вслед за скрипом, растворившимся в дремотной тиши монастыря, послышались еле различимые шаги. Медленные, размеренные. Они приближались. Они становились отчетливее. Ближе они. Шаг, мгновение, еще шаг...

Скоро через неплотно закрытую дверь в крошечное помещение проскользнет мерцающий лучик света, заглянет внутрь, пробежит по стенам. Да, так все и будет, ведь это оно, это начало! Дверь настоятеля так просто не скрипит, это верный признак того, что он вышел на ежевечерний обход. Вышел лично проверить все закутки просторных монастырских строений и не останется ни одного пусть даже самого укромного уголка, в который не проникнет его внимательный взор. Традиция это, устоявшийся ритуал, повторяется он изо дня в день, в любую пору, при любой погоде, в одно и то же время. Вчера так было, позавчера так, потому и сегодняшней вечер не станет исключением. Не бывает исключений в размеренной жизни монастыря. Все подчинено правилам, все должно идти своим чередом...

Молодой монах замер. Для него перестали существовать витающие в коридорах скрипы и шорохи. Кажется, даже ве-

тер, который уже несколько часов громко и тоскливо завывал за толстыми монастырскими стенами и тот умерил свой пыл, успокоился, приутих. Лишь два звука по-прежнему звенели в сознании юноши, один – легкие, еле различимые шаги настоятеля, который приближался к его келье, второй – пугающе громкий стук его собственного сердца. Вот и сердце замерло. Застыло. Меж редкими его ударами проносилась вечность. Звук сердцебиения уже не слышался, он ощущался, чувствовался еле различимым нитевидным пульсом. Но и это не успокаивало. Страх сковал волю. Страх не отпускал, сводил с ума, заставляя верить в то, что даже столь ничтожный отзвук сердечных сокращений сможет выдать его присутствие и что намного страшнее – его намерение.

Тем временем мерцающий огонек свечи поравнялся со щелкой меж дверью и рамой, лишь на мгновение осветил противоположную от входа стену, узкой полоской света пробежался по белому как мел лицу, вырвал из темноты маленькое зарешеченное окошко и тут же погас. Еще секунду, казалось, на толстых прутьях, отполированных руками монаха, играл неверный призрачный огонек, но вот и это видение исчезло. Келья погрузилась во мрак. В непроницаемую тьму безлунной ночи.

Средь порожденной мраком тишины родился новый звук – брат Иоанн громко выдохнул. То звук надежды, отзвук облегченья...

Минуло еще несколько бесконечно долгих секунд, пока

он наконец-то решился пройти те три шага, что отделяли его от дверей. Застыл у порога, прислушался, решился, высунул голову, выглянул в коридор. Осмотрелся. Все было так, как и должно было быть, так, как он и предполагал – в десятке метров от кельи покачивался темный силуэт настоятеля подсвечивающего себе свечой.

Иоанн еще раз выдохнул – все хорошо, его не заметили...

Стараясь двигаться бесшумно, он прикрыл дверь, вернулся к стене с зарешеченным окном, сел на пол, прикрыл глаза, глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Самое время прийти в себя, восстановить дыхание, отдохнуть, успокоиться. Он заслужил, ведь он старался. Да и удача не подвела, улыбалась она лучезарно. Ее улыбка породила надежду, веру в успех, с нею крепла уверенность: он сможет, он справится, да иначе и быть не может! Правда, это будет несколько позже, сейчас же единственное, что ему на самом деле необходимо – короткая передышка, покой в награду за мгновения парализующего страха.

Так было всегда – после осмотра монастырских помещений настоятель уходил к себе, и до сих пор не было случая, чтобы он ночью покидал свою келью, расположенную на верхнем этаже. Всегда так было. Он поднимался по лестнице, минутой позже слышался щелчок замка (келья настоятеля это одно из немногих помещений, которые запирались) и с этим звуком смолкали все шорохи – монастырь засыпал. С того момента единственным человеком в обители божьей,

который продолжал бодрствовать, был привратник – пожилой мужчина, охраняющий вход на территорию монастыря. Но его каморка находилась далеко у самых ворот. Иоанна он точно не увидит. Но даже если и увидит, ничего страшного не случится. В его планы мог вмешаться только настоятель, только он один.

Вот и он, столь долгожданный момент! Знакомый скрип, с ним отчетливый щелчок. Громкий щелчок, звук просочился в приоткрытую дверь, такой звонкий, такой ясный, словно запираемый замок был не где-то наверху, а в двери соседней кельи, может, и того ближе.

Дрожь пошла по телу. Это все звук, такой ожидаемый, желанный и пугающий. Сердце екнуло, встрепенулось испуганной птицей и тут же затихло, замерло, успокоилось. Иоанн справился, прогнал страх, загнал его в самые глухие закутки сознания. К чему испуг, к чему волнения, ведь все идет по плану, теперь дело за малым, теперь надо просто подождать. Ждать недолго, часа два, может чуточку дольше...

Уже без малого год прошел с того дня, когда Иоанн, приняв постриг, посвятил свою жизнь служению Господу и поселился в монастыре. За это время он познал много чего. И не только того, что было связано с ежедневными обязанностями. Нехотя, он изучил характер и привычки каждого из так многочисленных своих братьев. Хорошо ориентировался в монастыре и его окрестностях. Немалое количество монотонных дней исполненных однообразных действий приучи-

ли его к распорядку. Проповеди научили видеть замысел божий во всем происходящем, любить жизнь, понимать природу. Он начал осознавать ценность каждого мига, его уникальность и неповторимость. С этим пришло чувство времени, умение ощущать неуловимое его движение. Полезный навык, особенно в обители божьей, в стенах которой имелись единственные часы, большие настольные позолоченные. Надежно спрятаны они, стояли на полочке в келье настоятеля, в помещении, вход в которое для большинства монахов был закрыт. Закрыт, да и ладно, не нужны были юноше никакие приборы отображающие бег минут, научился он ориентироваться по гулким ударам колокола, а отмерял промежутки времени, считая удары своего сердца.

Да, сердце – лучший хронометр, но не сейчас, отказывалось оно ему помогать. Собственные внутренние часы, дарованные самой природой, те, что еще совсем недавно добросовестно отсчитывали секунды, дали сбой. Сердце подводило. Не было в его работе размеренности, постоянство куда-то ушло. То бешено колотилось оно, то наоборот, замирало, останавливалось. Никакой тебе точности. Приходилось полагаться на удачу. Но почему нет! Ведь до сих пор они лишь благосклонно улыбались!

Прошло время, как решил Иоанн, те самые отведенные себе ним самим два часа. Блеснула мысль, порождая уверенность – пора! Утвердительно кивнул, полностью соглашаясь с самим собой, оттолкнулся спиной от стены, резко поднял-

ся. Ступил несколько шагов. Беззвучно прокрался к двери. Аккуратно, дабы не дать возможности скрипнуть тронутым ржавчиной петлям, толкнул тяжелую створку. Переступил порог и вздрогнул, так отчетливо ощущалось – теперь обратного пути не будет. Он ступил тот шаг, который разделил его жизнь на «до» и «после». Свершилось это, и ничего уже не изменить, ничего не исправить.

Боязливо огляделся, застыл, затаил дыхание. Никого вокруг, одна лишь тишина, а с нею мгла ночная. Ни звука не слышать, вот только ветер, но ведь он не в счет...

Иоанн снова задумался. С раздумьями вернулось и сомнение. Отвратительное чувство наполнило сознание, грозясь вытеснить уверенность, позволить страху выбраться на волю. Колебался он, медлил. Привыкшие к полной темноте глаза поглядывали то на еле различимый проем двери кельи, то в темноту длинного коридора. В келье оставалось то, к чему он так привык, но там впереди во тьме скрывалось то, к чему он так стремился! От промедленья становилось только хуже. Нарастало напряжение, крепи сомнения. Надо было решаться. Надо было идти. Сейчас или никогда. И он решился. Собрался с духом, медленно шагнул в том направлении, в котором недавно шел настоятель. Заставил себя поднять ногу, ступить шаг, еще, еще один. Туда, к лестнице, на ступени и вниз.

Отступили сомнения, уверенность праздновала победу... С особой осторожностью монах прокрался мимо соседней

кельи. Сквозь приоткрытую дверь доносился громкий храп. Юноша непроизвольно улыбнулся, то храпел брат Тимофей, именно ему приказано было стеречь Иоанна и не сводить с него глаз. Это оказалось не самым легким заданием на свете. Достаточно было двух капелек зелья, переданного Пелагеей и все, охрана мирно дремлет!

На ступеньках он замешкался. Простоял целую минуту, прислушивался, желая лишний раз убедиться в том, что все немногочисленные обитатели монастыря спят. Успокоился. Все нормально. Ни звука не нарушало сдобренную непогодой тишину. Начал спускаться. По лестнице, вниз, на первый этаж.

Пятнадцать ступеней. Ноги почувствовали ровный каменный пол. Отлично! Иоанн свернул направо и еще медленнее, нежели ранее, вытянув вперед руку, словно лишенный дара видеть, направился вперед. Дабы успокоить нервы, попытался сосчитать шаги, но скоро сбился. Ведь счет неважен, важна только цель...

Вот рука коснулась шершавого дерева. Грубые доски. Дверь. Та самая дверь! Дверь, ведущая в подвал. Да, конечно, она всегда заперта. Вот и сейчас большой, огромный замок надежно стерег монастырские тайны. Тупик? Нет, ничто уже не могло остановить решительного юношу. Еще бы, он ведь подготовился!

Секундное дело – рука нырнула в складки мешковатой рясы и извлекла из потайного кармана ключ. Ранее тот висел на

поясе настоятеля, но уже два дня как переключился к Иоанну. Нет, это никакая не кража, это исключительно для дела!

Ключ. Большой, под стать замку, блестящий полированной бронзой, странно, но он блестел даже абсолютной темноте. Что это? Волшебство? Знак свыше? Предупреждение?

Поворот, еще один. Щелкнул механизм. Дужка, высвобожденная из паза, глухо лязгнула. Еле слышимый звук разлетелся по пустому залу и отголосками вернулся обратно. Смешался он, усилился многократно. В звоне металла слышались нотки смеха. Не веселого смеха, не задорного, а страшного и пугающего. Вот только молодой монах не обратил внимания на металлический хохот. Ему было не до того. Он уже спускался по скользким ступеням вниз, в глубину подземелья.

Просторный подвал. Огромное помещение, занимающее все пространство под зданием. Большая его часть являла собой одну огромную комнату с множеством расположенных ровными рядами колонн. Наверняка ранее это пространство не пустовало. Скорее всего, было заставлено разнообразными бочками, мешками, ящиками. Всевозможными запасами, дарами природы, вином, возможно, фруктами, иным продовольствием. Теперь же не было ничего. Пустота. Лишь колонны, строй колонн, теряющийся в абсолютной темноте.

Все так же осторожно ступая, Иоанн шел к своей цели. Вытянутая вперед рука то и дело наталкивалась на каменные столбы, которые, потому как он сам того не подозревая дви-

гался зигзагом, казались расположенными в полном беспорядке. Колонны, он натыкался на колонны, каменные, шероховатые с множеством царапающихся, словно коготки ужасных тварей, острых зазубрин. Некоторые из них на ощупь казались покрытыми влагой, а может и слизью, прикосновения к липкой влаге порождало брезгливые мысли, давило на разум и будоражило воображение. Накатывала новая волна ледящегоо душу страха. Она накрывала его с головой, сковывала движения, населяла сознание мерзкими чудовищами...

Лишь почувствовав пальцами дерево, он смог справиться с собой и отогнал прочь, старающихся завладеть его разумом, монстров. Дверь, вот она его цель! Осталось только определиться, найти ту, нужную.

Двигаясь вдоль стены, он прошел в дальний угол помещения, внимательно ощупывая каждый фрагмент стены, направился в обратный путь, принялся искать нужный вход. Если считать от левого угла, тот должен быть четвертым.

Искомую дверь он узнал сразу, не помешала даже крошечная мгла, заполнившая просторное подземелье. Та дверь разительно отличалась от трех других, которые ему пришлось ощупывать. Если на тех чувствовалась шершавость дерева, ощущалась слизь неизвестного происхождения, а с ней и влага, то эта была совершенно другой. Гладкая, будто полированная поверхность. Чистая. Ни влажности, ни пыли, ни шероховатостей. Идеально ровная, оттого манящая, и одновременно отталкивающая.

Руки поднялись выше, пальцы нащупали маленькое с решеткой окошко просто посередине деревянной плиты. На мгновение задержались, коснувшись гладкого и чистого, как вся дверь металла прутьев. Если сомнения и были, то теперь они окончательно развеялись. Дверь с окошком одна, остальные глухие. Она это, конечно, она! И дело не в гладкости, не в окошке, даже не в счете, дело в ощущении. Странном, непонятном, непередаваемом. Уж очень хотелось прикоснуться к ней, хотелось трогать ее, гладить, ощущать ее идеальную, будто полированную поверхность, хотелось, невзирая на то, что, казалось, чистота запретной двери оставляет на руке след. Темный, густой, мрачный. След преступления. След непослушания. След отступничества.

Когда-то давным-давно дверь была надежно заперта. Об этом свидетельствовали массивные железные кольца. Наверняка был и замок, под стать им. Запирал он комнату, а с ней и ее секреты. Только не в этот раз. Пелагея не ошиблась. Вход был открыт, проход свободен. Вот только входить...

Входить в подвал, а в особенности в эту комнату, запрещалось под страхом отлучения. Серьезное наказание, да и последствия могли быть... Иоанн замер. В нем еще боролись суеверный страх с решительностью идти до конца. Решительность победила. С маленьким, практически невесомым перевесом. Решился. Он толкнул дверь и, дабы не дать себе шанса передумать, перескочил через низенький порожок. Дверь позади него с громким стуком захлопнулась.

О комнате этой запрещалось даже говорить. Но что поделать, если запретная тема тем и интересна, что запретна. Монахи, которые постарше, да умудренные опытом, шептались, что когда-то давно, еще в те времена, когда история обители только начиналась, это тесное помещение служило кельей отступнику Евлампии. Давным-давно он был в числе тех, кто заложил краеугольный камень в фундамент будущего монастыря. Со временем стал и его настоятелем. Потом, как говорили, он продал душу дьяволу. Разные назывались причины столь богопротивного поступка, разные выдвигались гипотезы, неважно это, в любом случае овладели ним демоны. Говорили, сам Патриарх лично приезжал, не один день читал молитвы в попытке изгнать бесов, которые вселились в некогда божьего человека, но все безрезультатно. Не отдали демоны своей добычи. Лишь глумились они над потугами экзорцистов, принуждая уста божьего человека выкрикивать богохульные слова.

Многие пытались, многие старались, но результата все не было. Единственное, что оставалось монахам, так это запретить умалишенного в темной келье глубоко в подвале, оставив ему лишь несколько свечей и молитвенник. В первую же ночь он сжег книгу, пытался даже поджечь себя, но запах гари быстро распространился в монастырских помещениях. Пожар погасили. Свечи, да и вообще что-либо кроме пищи давать ему перестали. Так он и просидел до самой смерти в сплошной темноте, лишенный света и человеческого обще-

ства.

Так говорили. Документы, которые могли бы пролить свет на столь ужасное происшествие, быстро затерялись, а тем, кто еще помнил безумца, наказано было молчать. Но все-таки попытка стереть из памяти людской имя богоотступника не увенчалась успехом. Его помнили. Еще долго монахи шептались в темных углах, пересказывая друг другу подробности сделки с дьяволом. Шептались, но старались не упоминать его имени. Ведь кто знает, что случилось со слугой Господа, который не смог устоять пред искушениями величайшего врага всего сущего! И кто знает, какая кара может постигнуть того, кто не сдержится и некстати о нем вспомнит, промолвит вслух проклятое имя. Кто знает...

Брат Иоанн оглянулся. Коснулся двери, убедился в том, что она закрыта, присел на корточки. Извлек из-под рясы огарок свечи, трут и огниво. Руки отказывались подчиняться, дрожали пальцы, но несколькими выверенными движениями удалось-таки высечь искру. Неимоверно ярко среди тьмы вспыхнул огонек свечи. Вот это да! От того, что увидели глаза, юноша вскрикнул и пошатнулся. Дрогнули руки, молодой монах чуть не выронил единственный источник слабого света.

Говорили, брат Евламбий умер спустя месяц после того, как его живьем похоронили в этом каменном мешке. Теперь монах понимал почему. Как тут не поймешь, ведь все стены кельи, все без исключения, были разрисованы! Мерзкие

картинки, страшные письма. Несколько непонятных символов просто на потолке, нависали они, будто и не нарисованы вовсе. Будто объемные они, а то и вовсе живые. Пусть сколько бы времени не прошло, сомнений не оставалось – все рисунки выполнены кровью, кровью отступника. Да, об этом Пелагея не упоминала, но, наверняка, знала. Она ведь многое знает. Скорее всего, она боялась. Боялась того, что Иоанну не хватит смелости, если он будет знать всю правду. Не хватит мужества. Возможно, она и права. Кто знает...

Время! Довольно легко удалось заставить разум выдать план монастыря: высокая ограда, основные строения, ворота. Воображение, которое сильнее всяких страхов, быстренько набросало подобие карты да еще вверху пририсовало розу ветров. Иоанн произвольно улыбнулся, что ж ему всегда нравилось фантазировать, а это, оказывается, не такое уж и бесполезное занятие!

Быстро сориентировался. Да, это вон там в дальнем углу, именно в ту сторону движется солнце. Там запад. Ему туда. Он подошел ближе. На стене виднелся большой рисунок, больше других, четче других, страшнее других, вот только паутина мешала рассмотреть его детально. Потрудились пауки, скрывая стены, пряча от редких посетителей подземной кельи и без того темный угол. Срывать руками мерзкую липкую паучью сеть не хотелось. Брезгливость взбунтовалась. Юноша поднес горящую свечу.

Паутина загорелась, вспыхнула ярким пламенем, запыла-

ла, осветив, нанесенное на стену изображение.

Там, чуть не в человеческий рост, на удивление реалистично, изображено распятие. Четко, ярко, пугающе. Настоящее распятие, вот только перевернуто оно. Крест чутьочку наклонен, тело на нем перекошено, голова неестественно вывернута в сторону, ноги грозятся свалиться, упасть, невзирая на мощные гвозди, вбитые в них...

Иоанн отошел на два шага назад и поднял руку, дабы осенить себя крестным знамением. В его душе с новой силой разрастался страх. Распустил он свои липкие щупальца, нашептывал свои липкие слова. Промелькнула мысль о том, что не все еще потеряно, что можно вернуться, позабыть обо всем, сбежать, но тут пред глазами возникло прекрасное лицо Пелагеи, ее небесно-синие очи молили о помощи, губы двигались, словно читали молитву...

Так и есть, молитва! Вот то, что ему сейчас необходимо! Вот то, что ему поможет. Молодой монах принялся декламировать «Отче наш», но слова, которые всегда успокаивали и придавали сил, сейчас звучали глухо и даже несколько угрожающе. Захотелось закрыть глаза, заткнуть пальцами уши и бежать, бежать, как можно дальше.

Испугавшись собственного голоса, он умолк. Помолчал минуту. Громко вдохнул, выдохнул, собрал в кулак последние силы, попытался придушить ростки страха. Кажется, получилось. Да, получилось, все, он готов, он решился. Как иначе, не отступить же! Особенно теперь, когда большая

часть пути пройдена, когда остался только шаг!

Иоанн подошел к нарисованному кровью распятию, стал на колени, закрыл глаза. Попытался вспомнить те слова, которые нашептывала ему прелестница с синими глазами, но не смог. Разум отказывался помогать. Тогда он пошарил под рясой, достал изрядно смятый клочок бумаги. Расправил, поднес к пламени свечи. Взглянул. Вздогнул. Да, это именно то, что он должен произнести, заставить себя произнести...

За толстыми стенами продолжала бесчинствовать непогода. Ветер словно мифический великан вырвал с корнем огромный дуб, который разросся посреди двора, поднял его в воздух, закрутил и швырнул в стену. Стена выдержала, только цветная мозаика да разноцветное стекло, ранее составлявшее удивительной красоты витраж, обсыпались в монастырскую трапезную.

Всего этого Иоанн не слышал. Он был занят, он вслух выговаривал запретные слова. С каждым звуком его голос крепчал, заполнял тесную келью, отражался от ее стен, усиливался во стократ, казалось, еще немного и эти звуки, которые звучали то угрожающе, то наоборот, успокаивающе, вырвутся на волю, заполнят монастырь, да что там монастырь, весь мир...

С запада и с востока навстречу друг другу летели два облака, нарушая все законы природы. Оба одинаково черные и оба одинаково огромные. Внутри каждого из них полыха-

ло ярчайшее пламя молний. Просто над колокольной они сошлись. Воздух наполнился электричеством. Раздался страшный грохот. Раскат, еще раскат. Среди оглушительного шума, с каждой секундой крепчая, отчетливо звучал властный голос, запретные слова, что страшнее любого грома.

Привратник, единственный, кому судилось выжить, тут же потерял слух. Не выдержали барабанные перепонки тяжести черной речи, усиленной дыханьем грома. Оба же облака объединились, слились в одно, смешалось пламя, бушевавшее в них. Смешалось и вылилось на землю. Выплеснулось, невиданных размеров молнией, нижний конец которой влетел просто в колокольную. Камни разной формы и разных размеров, которые были сложены в высокую башню, разлетелись во все стороны. Колокола мгновенно расплавились и бронзовым дождем пролились на землю.

Разрушив колокольную, молния миновала три этажа некогда величественного сооружения, разбросала огромные каменные плиты пола и угодила просто в распластанное тело брата Иоанна, который, читая, все ниже склонялся под неподъемной тяжестью запретных слов.

Моментально все стихло. Сквозь тишину прорвался крик отчаянья, но и он также растворился в густеющей тишине...

Глава вторая

– Лет этак сто монастырь пустовал. Вернее камни, которые от него остались, лежали, никем не побеспокоенные. Говорили, там, среди руин можно было отыскать сокровища, которые якобы копили монахи на протяжении веков, но если кто и решался искать, я не слышал, чтобы что-нибудь находили. Так что местность эта долгое время оставалась пустырем, примерно до середины восемнадцатого века. Именно тогда один польский промышленник, некий граф Варшавский, не знаю что это: фамилия или указание на то, что родом он из Варшавы, не могу сказать точно, занялся обустройством этих территорий. Изначально в построенных ним зданиях располагалась мельница с приводом от паровой машины, после чуть не маленький завод. Еще позже, ближе к нашим дням, пришел год девятьсот семнадцатый, тут все понятно. Революция, «Власть советам!», и тому подобное. Большевики, зачем-то пытались снести эти строения. Может, хотели найти спрятанное монастырское золото, а может, какие другие имели на то причины, не скажу. Тем не менее, ничего у них не получилось. Как видите, стоят и поныне. Пережили революцию, две войны. Может, камень монастырский, из которого они большей частью сложены, оберегает. А может, что-то еще, не столь мистическое, не знаю...

Я умолк и поднял глаза на своих друзей. Все внимательно-

но смотрели на меня, не иначе как ожидали продолжения. Но знаешь, я из тех людей, которые мало того, что не умеют рассказывать, так еще и не привыкли к излишнему вниманию. Увы, не душа я компании! Теряюсь, волнение, краска. Вот и в тот раз стоило мне умолкнуть, как почувствовал, что начинаю краснеть. Благо поздно было, изрядно потемнело и в неверном свете костра ничего этого не заметно.

Наш старший менеджер, Игорь, демонстративно зевнул, протянул руку к ящику, извлек из него бутылку пива, откупорил, отпил и авторитетно заявил:

– Сказки все это. Откуда информация?

– Скорее всего, ты прав. Эту сказку, или легенду, мне в детстве бабушка рассказывала. Я ведь вырос неподалеку. Вон там на противоположном берегу виднеется мой дом. Виднелся бы, днем, но уже почти ночь, так что...

Большинство из компании последовали примеру Игоря и потянулись за прохладным хмельным напитком. Вот, собственно, и все. Прошел мой звездный час, промелькнул и скрылся, не воротится он уже, пусть даже мне удастся что-нибудь, сколько-нибудь интересное вспомнить, никто меня слушать не станет.

Я посмотрел прямо перед собой сквозь костер, сквозь беспокойные лепестки живого огня. Странно, но на меня по-прежнему смотрела пара глаз. Больших, прекрасных и глубоких. В их бездне чертиками поблескивали язычки пламени, взывая к первобытным инстинктам, притягивая и не да-

вая отвести взгляд. Конечно, поздним вечером, в надвигающейся темноте, цвет глаз не различить, но я прекрасно знал – эти глаза цвета вечернего неба. Такого глубокого, бездонного и безграничного. Синего, густого, завораживающего и манящего. Да что там цвет! Я знал о них все и ради них мог сделать все. Все что угодно, не мог только подойти и заговорить с очаровательной девушкой, украшением которой они являлись. С Дашей...

Новенька она у нас, всего несколько дней назад устроилась на работу, секретарем нашего Питекантропа, в смысле Александра Геннадьевича, нашего директора. Прозвище, говоришь, не директорское? Не соглашусь. Да и «Питекантроп» это не столько его прозвище или там кличка, сколько его сущность.

Правда, так и есть! Но по порядку, значит, по порядку...

Началось все с того, что наш прежний директор вышел на пенсию. Идеальный был руководитель. Мечта любого офисного работника! Он не понимал, чем занимаемся мы, а мы понимали, чем занимается он. В том смысле, что он сам ничего не делал, но и нам не мешал трудиться. И что поразительно – работа шла! Планы перевыполнялись. Фирма прибыль получала, коллектив – премии. Нам спокойно было и ему, я более чем уверен, неплохо. Кроме того, не было этой нынешней излишней инициативности. Не было добровольно-принудительных походов. Монотонно было все, стабильно, предсказуемо. А теперь, что ни выходные, так получите

– то театр, то выставка, то еще что-то подобное. Нет, мы бы наверняка и не возражали, если бы это шло от нас самих. Чтоб было все в истинно-добровольном порядке...

Я хотел сказать, что завел наш новый директор такую вот практику – в выходные, весь коллектив обязан участвовать в культурном мероприятии. В любом, на выбор, на выбор... директора.

Вот первый такой культпоход – исторический музей. Конечно шеф с нами. Куда без него! Не буду возражать, много интересного увидели, познавательного много. Кое-кто даже знаний набрался. Я, к примеру. Но дело не в знаниях. Добрались мы, значит, до центрального экспоната музея – питекантропа, не живого, бутафорского, но эффектного. Стоит, представь только, посреди зала, чуть наклонившись вперед, в правой руке топор каменный над головой занесен. Левая, за спину спрятанная, камень сжимает. Наверняка поохотиться решил, а то и вовсе на тропу войны вышел.

Полюбовались мы на него, с одной стороны посмотрели, с другой, и тут наш шеф, представляешь, становится рядом, также руку над головой заносит и зубы скалит, точно как тот, экспонат который! Как тебе картина? Точно! Стоят два доисторических человека. Просто одно лицо! Правда, нашего легко узнать. У его далекого предка живот гораздо меньше был. Что поделаться, ему ведь за обедом побегать приходилось, не то, что нашему!

С этого все и началось. Питекантроп стал «Питекантро-

пом», а мы, то в театр, то в кино, то в музей, то на выставку. Словом, хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а принимай участие в коллективном мероприятии. Собственно и в тот раз у костра мы выполняли распоряжение директора, но тогда очень даже приятное. Это я посодействовал! Как-то при случае намекнул, что эта мельница, руины эти, памятник архитектуры. Надо, мол, коллективом съездить. Ознакомиться. Он согласился, а остальное мы уже на месте додумали. Благо магазинов полно. Что сказать, получилось здорово. Шашлык на природе, может ли быть что-то лучше? Разве только то, что наш Питекантроп не смог присоединиться к коллективу. Это да, иначе ни отдыха, ни вот даже пива не было бы!

А все-таки Даша смотрит на меня. Именно на меня. Казалось, встань, подойди, а не могу, будто что-то мешает. Боюсь чего-то. Чего-чего, боюсь, что есть у нее кто-то, а тут такой я! Глупцом боюсь выглядеть! Всего-то. Но странная логика получается, я боюсь, другой кто-то тоже боится. Что я, что другие, думаем, мол, если девушка красивая, она не может быть одинокой. Все так думают, а в результате она одна! Далее можно вывод сделать – красота не гарантия счастья! Хотя, где я, а где счастье...

Игорек подсел ближе. Сейчас начнется. По всему видно, он уже готов доказывать, что я все выдумал. Уже пару-тройку аргументов подготовил, сейчас выдавать будет. По одному. В угол меня загонять начнет. Любимое это у него занятие

– вырвет слово из контекста и потом долго выводы делает. А цель одна, доказать что ты (я в данном случае) лжец, выдумщик и обманщик. И это притом, что я рассказал историю, которая никоим образом не претендует на достоверность!

– Серега, но ты так и не договорил, что там было дальше. Ну, с этим строением, с мельницей вашей.

Не понимаю, что-то он издалека заходит.

– Что дальше? Революция. Помещения некоторое время служили как РТП, ремонтно-транспортное предприятие. Со временем, построили новые корпуса. На противоположном конце города. Более просторные, да и просто более современные. Об этих же на десятки лет забыли. Уже в более обозримом прошлом зародилась идея превратить это место в развлекательный центр, заодно и отреставрировать. Благо территория обширная. Да и помещения для подобного использования подходящие. Видишь, одно здание высокое, в четыре этажа, а вокруг него несколько низеньких, одноэтажных. Помнится, в четырехэтажном должен был разместиться краеведческий музей, кинотеатр на несколько залов, еще развлечения разные детские. В прочих зданиях планировались помещения для кружков. Вокруг всевозможные карусели, аттракционы. Наверняка было бы здорово! Уже и план подготовили, смету утвердили, деньги на реставрацию выделили, но все что успели сделать: подлатали одну стену, да часть крыши перекрыли. Потом районное начальство сменилось и, как оказалось, деньги канули в бездну бюрократиче-

ского аппарата. Так вот и стоит до сих пор...

Я замолчал. Непроизвольно взглянул в том направлении, где еще недавно сидела Даша. Просто напротив меня за костром. Ее не было. Неожиданно позади меня послышался нежный грудной голос девушки:

– Развлекательный центр, здесь? Среди непроходимой чащи!

Я закашлялся и, стараясь говорить спокойно, ответил:

– Конечно. Только если бы проект довели до ума, все было бы по-другому. Никакой чащи, никаких зарослей. Территорию бы облагородили, клумбы, деревья, дорожки. Место здесь очень даже живописное. Просто так получилось, что мы поздно приехали, если бы чуточку раньше, можно было прогуляться, осмотреться. Вон там речушка, она буквально огибает строения, делая территорию округлым полуостровом и...

Недослушав, Даша отошла в сторону. Игнорируя меня, глаза проследили за ней. Увидели, как она удалялась, не спеша подходила к кленовым дебрям, густому строю растущего вдоль стены кустарника, как ее фигурка таяла, растворялась в надвигающихся сумерках.

Выйдя за пределы освещенного пламенем круга, она остановилась и вполоборота обернулась. Ее глаза, в которых по-прежнему блестели отсветы костра, на мгновение задержались на моем лице (а может, мне так хотелось?). Очень медленно она повернулась, склонила голову и исчезла в листве.

Сидящий рядом со мной, Игорь что-то продолжал говорить, но я его уже не слышал. Не до него было, ведь в нескольких метрах от того места, где растворилась в темноте Даша, я видел руку. Она покачивалась в воздухе, словно была не частью тела человека, а просто отдельно висящим объектом. Рука кого-то звала, манила кого-то. Я огляделся, единственным человеком кто мог ее видеть был я. Следовательно, манили именно меня.

Тяжело, словно через силу, я поднялся, пошел следом за девушкой. Вернее, в том направлении, куда она ушла, я ведь ее не видел. Да и не мог видеть, но впереди, всего в нескольких шагах, покачивались ветки и изредка, казалось, виднелась ярко-красная блузка. Казалось, виднелась?

Заросли стали реже. Передо мною из темноты выросла высокая стена центрального здания «мельничного архитектурного ансамбля». Такая высокая, что ее верхушка терялась где-то в ночной вышине, затмевая звезды.

Просто рядом со мною, на расстоянии вытянутой руки, неверным светом подсвечивался дверной проем. Я застыл, с удивлением глядя на его четкие очертания. Странное дело, все мое детство прошло у старой мельницы. Да дня не проходило, чтобы мы с друзьями, будучи детьми, не играли среди руин. Думал, знаю каждый кирпичик, каждый камешек, а тут целая дверь. Как это понять, как такое не заметить?

Мысли двигались медленно, потому очень скоро размышлять надоело. Я ступил на кирпичи, составляющие поро-

жек. Послышался звук, тихий с нарастанием – девичий смех. Смешливые колокольчики безудержного веселья витали вокруг меня. Удивительно приятный звук, но это не Дашин голос, ее несколько ниже и куда нежнее.

Детальнее проанализировать особенности женских голосов различной тональности мне так и не удалось. Вспыхнул ослепительно-яркий свет, но высветил он не развалины, как можно было того ожидать, а жилой интерьер. Не похоже на то, как строят ныне, тем не менее...

Оглушительный грохот, сильный удар, меня отбросило в заросли клена. Последнее что запечатлелось в памяти – медленно гаснущий огонек. Тающий в темноте проем двери. Яркий свет, превращающийся в серый с прожилками камень.

Когда глаза открылись, они увидели меня лежащего на одеяле. Сначала как бы со стороны, затем все ближе, ближе и вот я уже смотрел в пустое ночное небо. Рядом догорали остатки костра. Тихо шумел мотор микроавтобуса. Его подфарники висели в темноте и тусклым свечением озаряли полянку. Надо мною склонились лица. Такие знакомые, близкие, почти родные. Вот, вижу: Игорь держит меня за руку, пульс нащупывает. Ольга влажной салфеткой вытирает мое покрытое испариной лицо.

Попытался приподняться. Почти получилось. Оля испуганно вскрикнула, но сразу облегченно выдохнула:

– Ну и напугал ты нас! Что случилось?

Я огляделся:

– А где Даша?

– Так у тебя свидание было? – Игорь с насмешливой полуулыбкой посмотрел на меня. – В следующий раз предупреди!

– Какое там свидание? Я спрашиваю, где Даша, секретарша нашего... Питекантропа?

На этот раз уже все лица с выражением искреннего недоумения смотрели на меня. Ольга коснулась моего лба и серьезно заметила:

– Температуры, кажется, нет. Сережка, что случилось? Какая секретарша у Питекантропа? Откуда взялась? Да и просто, зачем она ему нужна! Не иначе как ты здорово ударился. Ничего, отдохнешь, отлежишься, пройдет. Нам пора, машина давно ждет. Едем!

Я пытался сопротивляться, но мое сопротивление выразалось больше в словах, нежели в действиях. Тело меня слушаться не желало. Так что часы еще не отмерили и пяти минут, как автобус, громко чихнув выхлопной трубой, тронулся. Силы окончательно покинули меня. Я уснул.

Глава третья

Чувство полета! Разве может быть что-нибудь лучше него?

Сам спросил, сам и отвечаю – может, безусловно, может! Чувство свободного полета, вот оно ни с чем несравнимое ощущение! Подымаешься вверх. словно крылья широко расставляешь руки. Паришь. Прносишься над бескрайними земными просторами. Там, внизу под тобой, широкие поля сменяются темными густыми лесами. Синими лентами, петляя на лоскутном одеяле лугов, блестят реки. Зеркалами сияют ровные водные глади прудов и озер. Все это твой мир, твоя земля. Все радует глаз, все поражает великолепием. Абсолютно все: буйство красок и бесконечность просторов, высота гор и пропасть ущелий. Все радует, все удивляет, но особенно – морская гладь! Более всего она. Такая разная и такая прекрасная. Иногда спокойная, прозрачная до самого дна, а большей частью бурная, мутная и неугомонная. Высокие увенчанные белыми бурунами волны рождаются из ниоткуда и несут свои воды в никуда...

Моря не видно. Жаль немного. Но ведь подо мною проплывают широкие зеленые поля, а это тоже красиво! Внизу, сколько видят глаза, простилается зеленая равнина, ее западный край упирается в густой лес, который с высоты полета кажется черным. Восточный же, просто теряется за гори-

зонтом, словно нет его, словно никогда не было, словно поле свежей зеленой травы и вправду бескрайнее.

Я спустился ниже. Так для разнообразия. Очертания стали отчетливее, увиденное понятнее, детали ярче. Во всей своей красе предстала опушка леса. Легко различить отдельные деревья.

Люблю я лес, не так как море, но все-таки. Вот почему бы не поддаться соблазну и не слетать туда?

Пейзаж стремительно меняется. То, что с высоты казалось густыми кустами, окаймляющими лес, обернулось многочисленным войском. Ровными рядами стояли всадники, держа в руках длинные копья. За ними разделенные на когорты пехотинцы. Их ровные прямоугольники покачивались, шевелились, будто огромная машина войны дышала и вздыхала в предвкушении скорой битвы.

Облетел я войско. Благо это несложно. Достаточно лишь захотеть, даже крыльями-руками взмахивать не нужно. Ведомое одним лишь желанием, тело само летит туда, куда я ему приказываю. Глаза смотрят туда, куда я хочу, чтобы они смотрели. Просто идиллия! Одно лишь любопытство упорно не желает мне починиться. Так и старается сбить меня с курса, требует притормозить, задержаться, зависнуть на месте. Подсчитать ему хочется, сколько воинов внизу, тысячи, десятки тысяч? Вот нечем ему более заняться!

Еще ниже. Спустился ниже. Так гораздо лучше видно. Четче все стало, детальнее. Казалось, самое время любопыт-

ству заняться своими подсчетами, мне не мешая, так нет же, не хочет. Другая у него блажь, свежая, в другую сторону нацелилось оно неугомонное, поманило меня от леса, туда, во фронт, поддался...

Там, перед строем, теперь уже просто подо мной виднеется маленькое темное пятнышко. Человек? Да, но это лишь сверху он кажется маленьким. Что-то мне подсказывало, что стоит немного приблизиться, спуститься ниже, и он превратится в того, кем и является на самом деле – в настоящего богатыря-исполина.

Да, так и есть! На целую голову выше любого из своего воинства. Плечи широкие особенно широкие от металлических лат, защищающих живую плоть. Руки богатырские, ноги, широко расставленные, будто выросли во влажную почву! Глыба, закованная в металл, а не человек! Изваяние! Памятник былинному богатырю. Стоит он, выпрямившись, опирается обеими руками на рукоять большущего меча, воткнутого в землю. Стоит и с выражением несокрушимого спокойствия на сосредоточенном лице смотрит вдаль на линию туманного горизонта.

Картина начала терять статичность. К исполину подошел один из солдат. В руках у того белый стяг с изображенным на нем красным замком. На фоне огромного полководца знаменосец выглядит ребенком. Щуплым, беззащитным. Великан наклонился к юноше и внимательно того выслушал. Степенно кивнул, а когда тот отошел, поднял глаза к небу. Его губы

что-то прошептали.

Тем временем линия горизонта потемнела. Казалось, туча темная подступает, вот только не по небу движется она, а по земле ползет. Мгновение и она приблизилась, остановилась, начала редеть. Пыль, а туча оказалась не чем-то воздушно-эфемерным, а облаком густой черно-серой пыли, улеглась. Напротив уже знакомого мне воинства, в сотне метров от его передовых отрядов из сплошной серости проявилось еще одно войско, не менее многочисленное. Пока строилась только конница, а одаль все прибывали и прибывали новые отряды пеших воинов.

В войсках почувствовалось напряжение. Два воинства, два строя, будто две пластины конденсатора, набравшие достаточное количество электричества, грозились выплеснуть в пространство гигантскую искру, мощный поток накопленной за долгое время ярости.

Все шло к тому, все было готово к сражению. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть. Вот уже и рябь волнения пробежала по когортам пехотинцев, вот легкая дрожь коснулась конников, знаменосцы высоко подняли свои стяги. Вслед за этими весьма очевидными предзнаменованиями скорых перемен, слегка изменилось и поведение военачальника, одиноко стоявшего впереди своего волнующегося войска. Не беспокоился он, не тревожился, не двигался. Он по-прежнему стоял, опираясь на меч, но теперь, выдавая легкое волнение, его пальцы размеренно постукивали по полусфере эфе-

са...

Из строя прибывшего воинства вышел юноша. Высокий, худощавый. Молодой, скорее, слишком молодой паренек, закованный в тяжелые латы. Он извлек из-за пояса рог, блестящий серебряными пластинами, заиграл. Звук его инструмента возымел действие, заставил он воинов, как своих, так и противников, опустить копья и дружно поднять головы. Далее он что-то прокричал (вот жаль, что я не слышу!). Не иначе как в ответ на его зов, расталкивая передовых солдат своего войска, из толпы прибывших вышел один, под стать лидеру армии неприятеля. Он на ходу надевал сияющий островерхий шлем и энергично вертел головой, разминая шею. Паренек тут же опустил рог и почтительно поклонился. Практически одновременно трубы обоих войск ожили. Трубачи вышли на свободный участок между армиями, выстроились в шахматном порядке, подняли свои инструменты, одновременно вдохнули...

Удивительно, но я слышал музыку. Всего лишь несколько секунд потребовалось для того, чтобы понять, что это за мотив. Вспомнил! Вспомнил и удивился еще больше: как это возможно, почему трубачи древности играют всемирно известную композицию Стиви Вандера?

Вооруженные люди, что готовились к сражению, там, внизу, подо мной, замерли, трубачи опустили трубы, все как один подняли головы и дружно посмотрели на меня. Что это значит, они также удивлены, или просто ждут моего одобре-

ния?

Кажется, я все понял. Никакие это не трубачи. Это кто-то мне звонит и, судя по мелодии, это Оля, ведущий наш бухгалтер.

Стоило мне все понять, как войска внизу растаяли, исчезло бескрайнее поле, пропала опушка леса, померкла насыщенная зелень листвы, выгодно дополненная яркой краской молодой травы. Все пропало, остался только грязно-белый потолок моей съемной квартиры. Будто ничего и не было, будто был лишь только сон...

Нащупал телефон:

– Да, слушаю...

– Сережка! Остановись, имей совесть, я не могу тебя догнать!

Недоуменно смотрю на телефон, который продолжает отчитывать меня голосом Ольги. Может, сон еще продолжается? А может, войска это не сон, а телефон это сон? Кто подскажет? Кто надоумит? Есть желающие?

Нашлись. Помог будильник. Его стрелки упрямо показывали – без десяти восемь, а к восьми я должен быть в офисе! Вот и все понимание...

Нет, полезная все-таки вещь мобильный телефон. Не всегда, правда, далеко не всегда, но часто полезная. Вот, к примеру, идешь куда-либо, видишь далеко впереди знакомого человека, догнать хочешь. Раньше как было? Орешь на всю округу, людей пугаешь и не факт, что тот, кто тебе нужен

услышит. Сейчас же все предельно просто. Набираешь номер, и спокойно говоришь: «А ну стой, я тебя догонять буду!». Надежно и практично. Вот и у нас так заведено. Мне с Олей на работу одной дорогой идти. Частенько друг друга догоняем. В общем, исходя из мутного потока этой странной мысли, получаем нижеследующее – в данный момент Оля кого-то похожего на меня увидела, пытается догнать, звонит, а я...

– Алло Оль, извини, проспал. Я все еще дома. Как-то так...

Дольше размышлять было некогда. Я не столько оделся, сколько впрыгнул в одежду и, не дожидаясь лифта, бросился по ступенькам вниз. Спустившись на четвертый этаж, остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Не иначе как окончательно проснулся! Долго же я! Неважно, проснулся это уже хорошо. Сразу же вспомнился вчерашний вечер. Частично. Обратная дорога где-то потерялась в глубинах памяти. Последнее что удалось откопать среди воспоминаний – меня чуть не насильно затолкали в автобус, а уже потом... стоп, Даша!

«Так все-таки, что это было? Или все мне просто приснилось? А если приснилось, тогда что именно? Точно помню, когда я спросил о ней, на меня посмотрели как на... нездорового. Это если мягко выражаться. Очень мягко. Но... – я бросил взгляд на часы – через три минуты мне полагается сидеть у себя в кабинете. Сидеть, работать, а уж точно не

пререкаться с самим собой, стоя на лестничной площадке. – В конце концов, там я во всем и разберусь. Вперед!».

Можно сказать, я не опоздал. Оно и понятно, если пришел на работу раньше директора, следовательно, пришел вовремя. Первым делом, пока гудел, закипая, чайник, следовало сходить и все выяснить. Разобраться, где выдумка, где истина, где Даша...

Налетев на дверь и схватившись за дверную ручку, я застыл. Задумался. А что, собственно, я собираюсь проверять? У нас в офисе и помещения такого нет, в котором могла бы расположиться секретарша. Весь офис это: техотдел, бухгалтерия, магазин, стеклянная каморка – обитель спецов по маркетингу, да мои скромные апартаменты. Ну, еще кабинет директора конечно, но никакого «предбанника» у него нет. К тому же сам кабинет довольно-таки оригинально расположен, практически под лестницей. Сколько народу, кто по ошибке, кто по незнанию, случайно к шефу попадает! А тут еще я с секретаршей! Нет, не на лестнице же ей сидеть?!

«Тогда что это получается, действительно никакой секретарши у Питекантропа нет? Более того, никогда и не было? Но я ведь точно помню – удивительные синие глаза, длинные волнистые каштанового цвета волосы, ослепительная улыбка. Помню, Даша! Верю, было...».

Пока я пытался привести во что-нибудь отдаленно напоминающее порядок свои мысли, мимо меня «просочился» Юрка, главный наш специалист в области стратегии продаж.

Не дожидаясь приглашения, он удобно устроился в моем кресле, обернулся вокруг своей со стулом оси и задумчиво спросил:

– Как ты относишься к утренней чашечке крепкого кофе? Будешь?

Что он имел в виду, понять несложно. Он намеривался угостить меня моим же и мною же приготовленным кофе. Да, изрядно я бы сказал нагловатое предложение, но вполне обыденное. Придется угощать... хотя нет, не придется.

Начать утро ароматным напитком помешал телефон. Вернее, телефонный звонок, судя по характеру звонков, наш, местный, офисный.

Так и было. Звонил шеф:

– Сергей Владимирович, зайдите, будьте так любезны, ко мне!

То, что шеф так вот с самого утра вызывает к себе, ничего хорошего не предвещает. Это истина. Так всегда было и так всегда будет. Во все времена и во всех организациях. Исходя из этого постулата, можно было бы серьезно поразмыслить над сущностью и ролью начальства в целом, но, размышляй не размышляй, деваться некуда, зовут, значит надо идти.

Минуты не прошло, как я вежливо постучал в блестящую полировкой надежную дубовую дверь...

Свою резиденцию шеф обустроил весьма оригинально. Как-то раньше мне не доводилось видеть кабинет директора, в котором был бы только один стул, именно один и к тому

же, именно стул. Почему-то наш Питекантроп не признавал кресел. Спросишь почему? Да кто их директоров поймет! Может, таким вот образом он хотел быть ближе к простому народу, своеобразно так, через пятую точку? Не знаю.

В отношении к подчиненным он также оригинальничал. То, что у него в кабинете был только один стул, вовсе не означало, что он собирался заставлять посетителя стоять, нависая над его директорской головой. Как раз наоборот. Каждый раз он вызывал сотрудников по одному. Каждый раз сам поднимался, усаживал посетителя на свое место, демонстративно вручал тому чистый лист бумаги и ручку. Сам же вышагивал по кабинету и диктовал распоряжения. При этом не забывал регулярно заходить за спину, и, заглядывая через плечо, проверял, правильно ли тот пишет и пишет ли вообще. Лично мне всегда казалось, что я не «на ковре» у шефа, а на экзамене, письменном, на знание орфографии с пунктуацией.

На этот раз директор не собирался делать исключений. Все случилось, как и в былые времена. Получил я листик, получил я ручку...

Представь только, сию я на месте директора и с показным рвением заглядываю шефу в глаза. Конечно, можешь считать меня конформистом, или там подлизой каким-нибудь, как тебе будет угодно, но у меня принцип – никогда не спорить с руководством. Сказали, мол, сделай, и сделай именно так! Надо выполнять. Не надо спорить. Мне прикажут, я и сде-

лаю, вот только сделаю не так, по-своему сделаю, так как я считаю правильным. Вот и все, а спорить зачем? Нервные клетки – вещь ценная, а в особенности свои!

Как и следовало ожидать, шеф начал издалека:

– Вот скажите, как долго вы работаете в нашей фирме?

– Три года, уже четвертый.

– Понятно. Четвертый год пошел. Хорошо. А вы вообще понимаете, чем наша фирма занимается?

К чему это он? Непонятно. Нет, я, конечно же, знаю, что наша фирма, мы в смысле, продаем запасные части ко всему, что только движется. Наверное, можно было прямо так и сказать, но я на всякий случай решил промолчать. Вот молчу себе, только еще внимательнее смотрю в глаза шефу. Я так рассчитывал, что выражение моего лица иллюстрирует большую заинтересованность и желание не пропустить ни единого слова из сказанного шефом. Кажется, я даже рот приоткрыл, не иначе как в крайней степени заинтересованности. Эх, помирает во мне актер!

Удалось. Питекантроп остался довольным. Он кивнул, поднял вверх указательный палец и сказал:

– Конечно, некоторые, так сказать, товарищи, считают, что мы торгуем запчастями, – он внимательно посмотрел на меня, видимо проверяя, не такой ли я товарищ, я еще сильнее открыл рот. – Так я им отвечу – ничего они не понимают! Не понимают они основной цели нашей организации! Мы должны продавать не товар, а что? Правильно. Цель наша –

удовлетворение желаний клиента!

Хоть во мне и шевельнулось любопытство, желание узнать, что именно имел в виду шеф, но я снова предпочел промолчать. На всякий случай. Вообще, в разговоре с нашим директором, чем больше молчишь, тем оно спокойнее. А если уж приходится говорить, то ни в коем случае нельзя использовать заумные слова, как-то «адекватно» или, что еще хуже, «эквивалентно». Для него это все равно, что обухом по голове. Помнится я однажды попробовал. По молодости, да по глупости. Оба этих слова употребил, да еще и в одном предложении! Он сразу как-то сжался, съежился, голову в плечи втянул, даже чуточку меньшим стал. А уже потом, через пару дней, когда отошел, вызвал он меня к себе в кабинет, да давай свое сочинение диктовать, на тему, как правильно с директорами общаться. Ох, и исписался я тогда, в хорошем смысле, с правильным ударением, на правильном слогe...

Тем временем шеф продолжал:

– Ну, это все лирика, так сказать. Вернемся к рабочим моментам. Вы у нас работаете...

– Программистом, – я решился напомнить, мало ли что, а вдруг шеф не вспомнит!

– Точно, программистом. Так вот по какому вопросу я вас вызвал. Мне нужен ежедневный отчет, только не такой, как тот, что мне бухгалтерия предоставляет, а чтобы был такой же, только с другой стороны. В другом разрезе, словом, та-

кой, какой бы мне понравился. Думаю, вы понимаете...

Ты понимаешь? Я тоже. Смотрю на него с растерянным видом, только уже не поддельным, а самым, что ни на есть, подлинным.

– Неужели так трудно понять? Ладно, вот возьмите, я набросал на скорую руку. Именно так должно выглядеть то, что мне нужно. Все, хватит отрывать меня от работы, идите уже куда-нибудь! Работать и еще раз работать...

Ничего не оставалось кроме как забрать свой на этот раз на удивление короткий «диктант», листик с писаниной шефа и ретироваться.

Уже у себя в кабинете, распечатав вчерашний бухгалтерский отчет, я прогрузился в пучину размышлений. Долго смотрел на листик, который мгновение назад выполз из чрева принтера, на тот, который дал мне шеф. Хоть покрась меня, в какой хочешь цвет – не вижу разницы. Seriously! Я даже складывал листы и смотрел на просвет – один к одному. Уже собрался было идти в бухгалтерию, может там помогут, как внезапно меня осенило – в тринадцатом столбце в заглавии сокращение, а на листке, который дал мне шеф слово «сальдо» написано полностью! Я мысленно пожал плечами и быстро подправил макет. Распечатал – красота! Что и следовало доказать. Ну, собственно, это все. На сегодня.

Вообще, если объективно, я напрасно наговариваю на шефа. Да если бы не он, мне и вовсе делать было бы нечего. Нашей фирме программист нужен, как собаке пятая лапа, а

может и того меньше. Но заметь, это я так думаю. Вслух подобного в жизни не скажу. Мне ведь зарплата ой как нужна!

Тем временем, пока я изучал особенности бухгалтерской отчетности в отдельно взятой фирме, в кабинет снова вошел Юрка. Он несколько расстроился, заметив, что кресло занято, но быстро сориентировался и уселся просто на стол. Удобно устроился и принялся красноречиво вертеть в руках объемную чашку. Тут уж ничего не поделаешь, если Юрка решил поживиться, его не остановить. И дело не в том, что он, жадный или, к примеру, из тех, кто любит угоститься на дармовщину, нет. Скорее даже наоборот. Бывает, как начнет угощать – не остановишь. Но кофе, да еще и утренний это отдельный разговор...

Глава четвертая

А вообще-то, нет. Не правильно. Не так все было. Началось все не так. Совсем не так, не там, к тому же еще и не тогда. Попробую сначала. К примеру, вот как...

Не помню я того момента, когда все случилось впервые, но если верить родителям, мне тогда еще и года не было. Именно тогда они, даже не поинтересовавшись моим на то мнением, спеленали меня и повезли в первое мое настоящее путешествие. Далеко-далеко на самый, что называется, Крайний север. Безусловно каких-либо деталей того давнего путешествия я не вспомню, не могу вспомнить, но, похоже, они отложились где-то глубоко в памяти, а то и того глубже – в подсознании. Именно тогда, в те давно минувшие дни, возникла, а позже и окрепла пламенная моя любовь к всевозможным путешествиям. Да разве можно их не любить! Правда, неужели кому-то может не понравиться поздним вечером зайти в вагон, удобно устроиться в уютном купе (при условии, что оно действительно уютное!), уснуть под монотонный перестук колес?! Потом, проснувшись утром, увидеть совсем другой город, поселок, просто полустанок, а может старый вокзал, вокруг которого расстроилось небольшое живописное село. Пусть за окном будет бескрайнее поле или густой лес. Может, в то время поезд будет проезжать по мосту, пересекая широкую реку, а может, будет приближаться к

темному и страшному тоннелю. Неважно, абсолютно неважно, что проплывает за окном движущегося состава, гораздо важнее ощущение того, что ты сегодня уже не там, где был вчера, что вокруг другой воздух, другая местность, другие люди...

Конечно, дело не только в живописных пейзажах или успокаивающем перестуке колес. Сама атмосфера замкнутого купе, которое вместе с поездом мчит бескрайними просторами, эта атмосфера, как никакая другая вдохновляет нас временных ее пленников на ту откровенность, которая не может возникнуть ни при каких других обстоятельствах!

Путешествовать мне приходилось много и часто. Из своих многочисленных поездок, еще в годы студенческой юности, я привозил телефоны, адреса очаровательных девушек, просто интересных людей, хотя, как правило, и адреса и телефоны оставались невостребованными. Правда, не всегда. В былые годы именно в поездках я повстречал многих хороших друзей. Вот уже столько лет прошло, а мы и поныне общаемся...

Что-то я отвлекаюсь. Собственно, не об этом речь. А началось все так...

Однажды, уже и не припомню когда точно, и как давно это было, оказался я на вокзале маленького городка с аппетитным названием Баштанка. Приехал я туда вовсе не из праздного любопытства. По работе, конечно же, по делам. Была это одна из несчетного количества моих командировок. Ка-

тался я в былые времена частенько, да и сейчас бывает, но это легко объясняется. Молодой специалист, к тому же еще и не женат. В нашем коллективе я такой один, так кого же еще отправить в не совсем романтическое путешествие?

Одна из таких, моя очередная командировка, завершилась. Оставалось только, стоя у окна в поезде, который покидает эти гостеприимные земли, молча попрощаться с очередным вокзалом очередного городка, где мне довелось побывать. Прощаться и втайне понадеяться, что более судьба (скорее всего, в лице директора) меня туда не направит.

Оставалось лишь дожждаться поезда, прыгнуть в подоспевший вагон, умчаться в необозримую даль. Но прежде всего, дожждаться, ведь самая большая сложность в поездках – ждать. Вот я и ждал, бесцельно бродил по перрону, разглядывал вокзал и унылые его окрестности.

Да, вне всяких сомнений, это было давно. Я совершенно не помню город. Дома не помню, людей. Ничего. Помню только вокзал. Казалось, ничем не примечательное сооружение, а затмил он в моем сознании целый городок со всеми его достопримечательностями. Как-то очень уж ярко он запечатлелся в моей памяти, я так отчетливо вижу его перед собой! Даже сейчас, когда прошло, кто знает сколько времени.

Вокзал. Открытые двери. Левая створка каким-то чудом держится на одной уцелевшей петле. Легкий ветерок покачивает ее и она издает столь отвратительные истошные звуки,

что хочется отойти подальше и не видеть как она свалится на голову какому-нибудь «счастливчику». А вот там же перед аварийной дверью три колонны поддерживают треугольный портик. В центре него расположился стандартный барельеф – профиль Ленина. Вылеплен он мастерски, смотрится здорово, да только кто-то излишне политизированный, а скорее просто один из массы местных бездельников обрызгал его красной краской. И не лень же было!

Наверное, так и должно было быть. Перрон выглядел ничуть не презентабельнее вокзала. Похоже на то, я попал как раз под реконструкцию (ее первую фазу, разрушительную), часть асфальта была снята, а земля под ним изрядно перерыта. Мелькнула мысль: «Хорошо, если мой вагон окажется в другой, все еще нетронутой части. В противном случае, за те две минуты, что поезд стоит, можно только ноги сломать и вместо уютного купе оказаться ничуть не уютной больничной палате...».

Единственным человеком, который убивал время в ожидании поезда, был я. Вернее, единственным человеком в окрестностях вокзала был я. Никого вокруг. Вообще, куда ни глянь. Ни на перроне, ни в открытом и покинутом газетном киоске, ни в зале ожидания. Я дважды заглядывал туда, рискуя быть придавленным дверью. Там тоже никого не было. Даже в окошке кассы, в которой я еще вчера покупал билет, было пусто. Непонятно, может жители этой самой Баштанки в отличие от меня не любили путешествия, потому

сторонились вокзала, а может, всему виной то, что пришла пора собирать арбузы, вот они все и на баштане? Загадка!

Громкоговоритель, рупор, висящий над поскрипывающей дверью, громко прокашлялся. Из его недр вылетел ошале- лый воробей и с испугу попытался чирикать. Вслед за ним вывалился сгусток из перьев и веточек. Что тут скажешь, не лучшее место он выбрал для гнездовья!

Не давая возможности воробью прийти в себя, из рупора послышался удивительно печальный женский голос. Он тяжело вздохнул и грустно сказал:

– Пассажирский поезд, сообщением Одесса-Киев прибы- вает на первый путь. Нумерация вагонов с хвоста... – гром- коговоритель приглушенно покашлял и еще более грустно добавил: – Головы поезда.

Я растерялся. Где находится загадочный «хвост головы» я не понимал, потому вежливо спросил у печального голоса: – Откуда?

Ответа не последовало, зато на горизонте показался локо- мотив. Он, а вслед за ним и сам состав, быстро приближался. Я пожалел о том, что у меня второй вагон, а не какой-нибудь восьмой, к примеру, тот должен быть примерно посередине. Было бы куда проще, а так... словом, хочь я того или нет, но побегать придется.

«Хвост головы» оказался в хвосте, мой вагон там же. И, конечно же, именно в той части перрона потрудились рабо- чие, создавая полосу препятствий для меня, ни в чем непо-

винного пассажира.

Чуть не в последний момент я вскочил в тамбур, на лету подавая проводнику билет. Поезд тут-таки тронулся и начал набирать скорость. Краем уха я услышал, что думают работники железной дороги о пассажирах, которые не слушают объявлений дежурных по станции и вместо того, чтобы подойти к месту остановки заранее, бесцельно мечутся по перрону. Пусть я много чего мог сказать в ответ на столь нелепые обвинения, я предпочел промолчать. Покорно выслушал проводника, прекрасно понимая – мне с ним ехать, проглотил свои силящиеся выбраться наружу замечания и направился вглубь вагона.

В купе напротив моего места сидел человек, как это говорится, неопределенного возраста. Почему неопределенного? Сам не знаю. Его лицо сразу показалось немного знакомым, а вот насчет возраста, не могу сказать, ему могло быть лет тридцать, а могло и все пятьдесят. Болезненный вид. Коротко стриженные волосы, даже слишком коротко, помню, у меня такие были лишь однажды, в армии, да и то в самые первые месяцы службы. Виски густо посыпаны сединой. Кажется, были морщины, две, продолжая линию носа, они вертикально пересекали высокий лоб. К ним несколько горизонтальных, симметричных, в обе стороны, но не так ярко выраженных...

Я, даже не из вежливости, а просто повинуюсь привычке, поздоровался. Совсем не удивился, когда не услышал не

только ответа, но и вовсе хоть какой-нибудь реакции на свои слова. Все равно ответных действий я не ждал, да и к чему они? Может человеку не до моих «здравниц»! Может у него есть о чем поразмыслить, а может, есть чем заняться. А может и то и другое и к ним что-то третье! Наверняка так оно и было, задумался он о чем-то своем, серьезно задумался, поглотила его мысль, овладела ним полностью, не отпускала. В пользу этого свидетельствовал и толстый компьютерный журнал, который он держал в руках, ведь смотрел он не на его страницы, а сквозь стекло на проплывающие мимо унылые степные пейзажи.

Лично меня поля мало интересовали, потому я сел на свой диван, извлек из сумки плеер, но оградиться от всего мира наушниками не успел. В дверь купе постучали, не дожидаясь ответа, на пороге возникла полноватая женщина, одетая в форму проводника, она держала в руках стакан в блестящем подстаканнике.

– Ваш чай!

Почему-то еще с раннего детства я не любил чай, о чем не преминул поставить в известность радушную хозяйку вагона и добавил:

– Может это соседу?

Она посмотрела на человека с компьютерным журналом как на пустое место, потом на меня точно таким же невидящим взглядом, обижено пожалала плечами и вышла, громко хлопнув дверью. Да, до европейского сервиса нам еще ой как

далеко!

Сосед продолжал любоваться сельскими пейзажами, я отложил наушники с плеером и вышел в коридор. Почти сразу мимо меня проследовала проводница, по-прежнему держа в руках стакан с чаем. Она что-то бормотала себе под нос, не обращая на меня ни малейшего внимания. Вот интересно у нее тот же напиток, которым пыталась угостить меня, или уже свежий? Хотя, какая мне разница!

Там, вдалеке, за грязными стеклами окна солнце уверенно катилось к горизонту. Я удобно облокотился о длинный поручень и следил за его размеренным движением. Интересно, наверное, посмотреть на нас со стороны. Два попутчика, один, сидя в купе, рассматривает вечерние поля, другой, стоя в коридоре, следит за таинством захода солнца.

Как-то быстро, даже слишком быстро, солнце скрылось за горизонтом. Исчез слепящий раскаленный диск, а скоро растаяло и яркое зарево заката. Пришла ночь, стоять в коридоре, глядя в темноту, надоело. Я вернулся в купе. Там ничего не изменилось. Попутчик смотрел в черный квадрат ночного окна, но, кажется, не видел в нем даже свое отражение. Похоже, его мысли были очень далеко, а мне меньше всего хотелось узнать, где именно они блуждают. Я вспомнил о плеере, который все так же лежал на столике, положил его в карман и принялся стелить постель. Спать, правда, совсем не хотелось, но я понимал, что утром рано вставать. Так что придется себя заставить...

Лишь только моя голова коснулась подушки, сосед заговорил. Нет, он не собирался поздороваться или представить-ся, он сразу повел рассказ. Не смотрел он на меня, напротив, как и раньше не отрывал взгляда от темного прямоугольника окна. Видел в темноте то, о существовании чего, знал только он. Просто говорил. Говорил без интонаций. Слова лились плавно, медленно и как-то безлико. Позже мне казалось, что это и не слова были вовсе, а только невнятное монотонное бормотание. Теперь я и вовсе удивляюсь, как смог хоть что-нибудь разобрать.

Кажется, так лучше. Да. Ближе к истине. Вот здесь должно быть повествование о старых мельницах, монастырях и отдыхе на природе.

Но нет, я вовсе не уверен в том, что рассказ был именно таким, каким я его пересказал. По-правде за время его монолога я раза три уснул, ненадолго, буквально на мгновение. Но, думаю, смысл от этого не пострадал. Все было именно так: легенда, монастырь, Даша, Питекантроп...

Глава пятая

«Доброе утро» в своем подлинном значении это очень большая редкость. А если это утро после бесконечной вялотекущей ночи проведенной в поезде то тем более.

Мое же утро началось с того, что какой-то здоровяк (как позже выяснилось, один из проводников) нагло стягивал меня за ногу с полки (хорошо хоть нижней!), тянул, старался и при этом что-то громко кричал. Похоже, я долгое время сопротивлялся, так как матрас большей частью уже сполз на пол, подушка лежала под столиком, одну только простыню я цепко держал, не собираясь сдаваться...

– Ну и здоров же ты храпеть! Подъем! Уже двадцать минут как Киев. Выходить пора! Вставай, кому говорю! – пробилось в сонное сознание.

Конечно, это весьма вольный пересказ, на самом деле к подбору слов здоровяк отнесся со всей ответственностью, благо развернуться есть где, язык позволяет, а словарный запас кадрового железнодорожника весьма насыщен...

Понятное дело для меня, как для пассажира, ключевым словом было «Киев», прочее не столь существенно. Услышав его, я перестал сопротивляться, выпустил простыню, а секундой позже, когда смысл сказанного полностью дошел до меня, подскочил, на лету просыпаясь, схватил сумку, ухватил плеер с запутавшимися проводами наушников,

и со всех ног бросился к выходу. Вслед мне летело улюлюканье, доносился громкий смех, дополняемый ехидными замечаниями, но меня это не задевало, не до того было.

Выбежал в тамбур, соскочил на перрон. Как раз вовремя. Словно дождавшись меня, поезд плавно тронулся и укатил в мало кому известное место под названием «отстой».

Я подошел к ближайшей скамейке, бросил на нее сумку. Сел рядом. Поднял голову. Большие часы надо мною показывали пятнадцать минут седьмого. Рано, слишком рано, да и спешить некуда. Ведь вторник нынче, следовательно, и как не обидно, к девяти мне надлежит быть в офисе. Конечно, нужно еще зайти домой, оставить вещи, переодеться. Домой...

Вообще-то я не киевлянин, более того, никогда не стремился ним стать. Потому, то, что я назвал домом – всего лишь съемная квартира. Да и не в конкретном городе дело, просто я из тех людей, у которых вся жизнь – одна большая командировка. А дом, именно в том истинном понимании дома, лишь место, куда можно изредка возвращаться. Вернуться, отдохнуть, набраться сил и снова в путь, опять в командировку.

Но, что бы я ни называл домом, ехать туда еще рано. Действительно рано. Суть в том, что моя квартира расположена прямо напротив офиса, все, что только надо сделать, чтобы попасть на работу, это пересечь улицу. Вот я и думаю, если сейчас по-быстрому приеду, зайду, выпью кофе, неминуемо

присяду на диван, включу телевизор и... уверен, смогу добраться до работы, лишь под конец... той самой работы.

Часть мысли, та, в которой упоминался кофе, мне понравилась. Решено, первым делом следует раздобыть чашечку бодрящего напитка. Благо дело это несложное. Автоматы на каждом углу. Ты ему купюру, он тебе стаканчик. Вот и выпью порцию-другую, а там, не спеша, выдвигаюсь.

Лишь определившись с первоочередными задачами, я заметил листик, зажатый в руке. «Вот, значит, от чего так ноют пальцы! Зачем, спрашивается, я за него схватился, руку свело!».

Удалось совладать с пальцами. Посмотрел на бумагу. Любопытно. Маленький листик, прямоугольный, плотная бумага, похоже на визитку. Только никаких логотипов или рисунков. Просто белый прямоугольник, в центре которого витиеватым рукописным шрифтом выведено – «Сергей» и ниже цифры, наверняка номер телефона. Мой ночной попутчик оставил, а я машинально сгреб со стола вместе с плеером? Возможно.

Ярко всплыл ночной рассказ. Ярко и в то же время блекло. Утренние цвета размыли красочность повествования, сгладили то впечатление, которое, как мне казалось, на меня произвели слова случайного попутчика поздней ночью. Мали ли что человек рассказывает, подпав под атмосферу откровенности! Бывало подобное и не раз. Забыть надо, забыть, да и ладно. И вообще, а был ли рассказ, а с ним и рассказчик?

Вот и офис. Первым делом надо написать отчет о командировке. Таковы реалии жизни – чем дольше тянешь с отчетностью, тем больше вероятность того, что твое творчество прочтут. И не просто прочтут, а прочтут внимательно, до тошно. Начнутся ненужные вопросы, бессмысленные уточнения. Далее, плохое настроение, с ним вымотанные нервы. Кому это надо?! А вот если написать и сдать в тот же день, да еще с самого утра, сто процентов гарантии – никто сочинение мое читать не станет. Директор наложит резолюцию, и пойдет моя папочка с докладом прямиком в архив, дожидаться своего часу, чтобы в один прекрасный день сделать доброе дело – превратиться в полезное вторсырье, в макулатуру.

За те две недели, что я отсутствовал, ничего не изменилось. Все так, как и было раньше. Выдвижная подставка под клавиатуру с грохотом свалилась на пол, достаточно было к ней прикоснуться. Как и раньше со всех сторон офиса полетели шутки на тему моего раннего желанья поработать. Те же шутники, те же шутки. Так же пытаюсь отшучиваться, с таким же отсутствующим результатом. Как и раньше обещаю себе отремонтировать стол, потому как понимаю – нового не дождусь. Сам не верю в то, что отремонтирую, но это тоже как и раньше. Проверка почты. Как всегда с полсотни непрочитанных сообщений. Все как всегда...

Вообще, занимательная получается статистика. Вот, к примеру, вечером я просматриваю почту и только после это-

го ухожу с работы. Утром получаю сорок-пятьдесят новых писем. После выходных такая же картина. И даже после длительной командировки, возвращаюсь и получаю те же самые сорок тире пятьдесят писем. Словно кто-то, где-то озабочен исключительно тем, чтобы в моем электронном ящике всегда находилось полсотни непрочитанных сообщений. Может, так оно и есть?

Письма все разные, вот только суть большинства одинаковая. Одинаково бесполезные они. Если хоть одно заслуживает внимания, это уже чудо. Остальные же я даже не открываю. Не то чтобы боялся вирусов. Нет, конечно. Чего их бояться? Мне как-то один знающий человек объяснил, что такого вируса, который вселяется в мышку, заставляет ее подпрыгивать, набрасывать провод на шею пользователю, а затем его душить, не существует. Следовательно, мне лично опасаться нечего. А что касается возможного заражения компьютера, так на этот случай есть специально обученные люди, пусть у них головы болят.

Десять секунд на обработку почты. Вернее на то, чтобы масса писем с темами «Купи сегодня со скидкой», «Уникальная методика как стать миллионером», и подобными им, оказались в корзине. Тоже мне уникальность, я и сам такой метод знаю. Вышлите мне сто долларов я и вас научу!

В утиль, все в утиль! Только последнее сообщение заставило меня остановиться, прервать работу конвейера, несущего нераспечатанные письма прямиком в корзину. Адрес, с

которого оно было отправлено мне не знаком, но оригинальная тема «Вагон №2» заставила убрать палец с любимой удаляющей все кнопки. Еще сегодня утром я был пассажиром именно второго вагона...

Глава шестая

Вот оно счастье! Широкое, кажется, и вовсе бескрайнее поле. Яркое светит солнце, беспощадно заливая светом и теплом землю. Под ногами простирается зеленый ковер свежей травы. Он мягко пружинит, стопы утопают в его упругой глубине. Ноги опускаются, сминая молодые стебельки. Под моими ступнями они пригибаются до самой земли, но стоит только поднять ногу, моментально выпрямляются. Будто я и не касался их вовсе. До чего удивительно осознавать – я могу скользить по траве не оставляя ни намека на следы, кажется, я и вовсе парю над твердью земной!

Далеко впереди по-прежнему темнеет полоска леса. Не знаю, может, до его опушки действительно далеко, а может, мы идем слишком медленно, потому и деревья слишком медленно приближаются. Кто расскажет, кто объяснит...

Именно так, да, я ничего не путаю, мы! Рядом со мною, задумчиво улыбаясь, идет Даша. Она смотрит на роскошный травянисто-цветочный ковер под нашими ногами и молчит. Наверное, я должен первым что-то сказать, но все не могу придумать что именно, не могу подобрать слов. Вот когда уже, казалось, появилась тема, а подходящее слово просто-таки завертелось на кончике языка, мысль практически сформировалась, Даша взяла меня за руку и чуть заметно качнула головой.

Я легонько сжал ее пальцы, успел уловить на милом личике еле различимый отблеск грустной улыбки и тут все изменилось. Ковер из трав, который еще мгновение назад радовал глаз буйством красок, поблек. Неожиданно быстро зелень сменила призрачная желтизна с оттенком грязи. Небо, которое поражало своей глубиной и чистотой, потемнело, его скрыла пелена темно-свинцовых туч.

Каким-то непостижимым образом Даша опередила меня. Я бросился вперед, силясь догнать ее, но напрасно. Хотя, казалось, она стоит на месте, а я бегу что есть мочи, расстояние между нами только увеличивается.

Налетел ветер, поднял в воздух бесконечное множество пылинок. Они заполнили все вокруг, они чувствовались кожей, от них першило в горле. Их рой становился плотнее, гуще. Уже не было видно очертаний далекого леса. Поля также не было. Все вокруг посерело. Невозможно было разобрать, где верх, где низ. Единственная деталь, которая выделялась из сплошной серости – до боли знакомое лицо, в обрамлении серой пыли. Даша, она, точно как и несколько минут назад, смотрела себе под ноги и, кажется, ничего более не замечала. Для нее не было ни пыли, ни скрытого нею пейзажа, для нее не существовало даже ветра. А его порывы становились все резче, сила его все возрастала, легкий бриз быстро превращался в сбивающий с ног ураган. Он заметал все вокруг, засыпал все пылью, не трогал один лишь эфемерный туннель, который соединял наши лица.

Совершенно неожиданно ветер стих, умерил свой пыл, приглушил завывания. Тишина, которая так резко сменила рев стихии, прозрачный воздух, который еще недавно был наполнен клубами пыли, на мгновение оглушили и ослепили меня. Я замер. Но лишь на мгновение. Ведь она также пропала, исчезла, растаяла в оглушающем спокойствии!

Огляделся. Сплошная облачность растворилась в синеве небес, только маленькая снежно-белая тучка медленно поднималась ввысь. Ее очертания менялись, и в результате сложились в столь знакомое, столь дорогое лицо. Лицо Даши. Еще один миг стал прошлым, видение растаяло, будто не было его вовсе, только почудилось, будто ветер принес издалека девичий голос. То ли смех, то ли плачь...

Я зажмурился, надеясь задержать милое видение, но все было напрасно. Оно растаяло, исчезло, скрылось в бездне вечности. Ничего нельзя было с этим поделать. Можно было только смириться. Можно было лишь обреченно открыть глаза.

Вновь перед моим взором простиралось широкое зеленое поле. Где-то вдалеке, там, где пересечение ясного синего неба с зеленью травы создавало линию горизонта, продолговатое темное пятнышко намекало на близость опушки леса. Все осталось таким, как было раньше, вот только идиллия эта была в моем мониторе.

Что же это получается, я уснул на работе?! Вот это да! Конечно, если работа такая интересная, то чему тут удивлять-

ся! Но даже если и так, то подобное у меня впервые. С почином, можно сказать...

А само видение, оно такое настоящее, живое оно. Я, она, вокруг одна сплошная бесконечность. Что это, выдумка? Воспоминание? Предчувствие? Хочется верить, что это всего лишь реальность, некая разновидность реальности, скажем, условная реальность, а почему нет, ведь в это так несложно поверить, в это так хочется верить...

Серж:

Вы представляете, я умею летать!

Алекс12:

Так это же круто! Колись, на что подсел? Трава или колеса? Давай, сознавайся, я тоже хочу полетать!

Ну конечно, именно такого ответа и следовало ожидать. Оно и не удивительно, если хочешь получить умный ответ – задай умный вопрос или хотя бы глупый правильно сформулируй. Что делать, придется исправлять ситуацию, а то чего доброго привлекут за пропаганду наркотиков.

Серж:

Нет, ты неправильно меня понял. Вернее, это я неправильно выразился. Я летаю во сне!

Пелея:

Вот это уже лучше. Больше подобного не пиши. Кто знает, что люди подумают! А если по сути вопроса, то это нормально, летаешь во сне – значит растешь! Расти никогда не

поздно.

Алекс12:

Вот беспредел! Такую тему поломали...

Али284:

Вообще, как утверждают ученые, процесс левитации материального тела попросту невозможен. Более того, явления подобного рода противоречат основам как классической, так и релятивистской механики. Таким образом...

Нет, эту ересь я точно читать не стану. Это же не лень было полторы страницы набирать и все подобного околонуучного бреда. Ужас! Что дальше? Имеем еще два поста, но эти и вовсе не в тему. Ну, нет, так нет.

Ладно. Оставлю в покое компьютер. Я же не на работе, за чем электронику тиранить! Пусть отдыхает. И я тоже отдохну, а то и поработаю. Все-таки я дома, а дома всегда найдется что-то, чему следует уделить внимание.

Именно так, я дома, не на квартире, а дома! Бросил работу и вот... нет, я не уволился, просто вспомнил о неиспользованном отпуске, вспомнил, подумал, собрался. Я так решил – засыпать на работе, это, пожалуй, слишком. Не иначе как я заболел, но идти в больницу – зачем? И так диагноз на лицо – усталость и все тут. А если устал – надо отдыхать! Правильно? Конечно, правильно! Так что в тот же день я написал заявление, нацепил на лицо маску мученика, патриота, потерявшего здоровье в борьбе за идеалы родной фирмы, и

постучался в дверь шефа. Маска немного помогла, но только немного.

Изучив мое заявление, Питекантроп укоризненно покачал головой и заговорил. Долго и пространно он повествовал об ответственности перед коллективом и организацией. Далее перешел на высокую роль, которая возложена обществом на нашу скромную контору, дважды употребил не самое простое слово «социум», правда, оба раза совсем не к месту. Тем не менее, использование подобных оборотов много чего значило!

Но это все мелочи. Я выдержал, стойко выслушал лекцию. Совесть, которая должна была проснуться после слов директора, лишь зевнула, повернулась на другой бок и захрапела с новой силой. И вот уже на следующий день ближе к вечеру грязно-красного цвета «Икарус», по виду мой ровесник, может чуть старше меня, с диким грохотом «отчалил» от вокзала, увозя меня в родные пенаты. Оставив позади шумный и душный город, свернув на широкую, мощенную бетонными плитами автостраду, автобус прибавил скорости. Причина понятна: меньшая загруженность дороги, меньше ограничений, но мне приятнее было полагать, что ему передалось мое настроение, мое отличное настроение и предвкушение надвигающегося отдыха.

Просторный салон полностью заполнен пассажирами. Явление вполне закономерное – пятница, студенты разъезжаются отдохнуть от учебы. Кроме них и люди постарше, вро-

де меня, покидают духоту города. Пусть не навсегда, пусть только на выходные. Отдохнуть, отоспаться, набраться сил.

Многие стояли. Мне посчастливилось удобно расположиться на широком заднем сиденье, как раз напротив прохода. Не самое лучшее место, слишком громко шумит двигатель, слишком сильно качает, но это куда приятнее, чем стоять целых полтора часа. Все-таки лучше плохо сидеть, а так... звук двигателя и сглаженные амортизаторами колебания автобуса на стыках бетонных плит быстро убаюкали меня. Сами собой глаза закрылись, шум стих. Нахлынуло блаженное забвение...

Правильно сказал кто-то умный – есть у человека шестое чувство, а у некоторых и седьмое имеется. У меня какое-то из них точно присутствует! Во всяком случае, я проснулся вовремя. В тот самый момент автобус свернул с широкой автострады на узкую асфальтированную дорогу. В открытое окно заглянула синяя табличка. Надпись разобрать было невозможно, но я прекрасно знал, что на ней написано «Новоукраинка 12 км». Все правильно, мне туда.

Да, осталось совсем немного. И вот уже через несколько минут вдалеке ярко загорелись ночные огоньки – огни родного города.

Промелькнули первые строения. Яркая подсветка заправки осветила салон. Осветила, вспыхнула и померкла.

Дорога спускалась к реке. Как только подъехали к мосту, я поднялся и направился к выходу, расталкивая недовольных

«пеших» пассажиров. Ворчат, да и ладно, мне же дальше не надо, метров через сто пятьдесят моя остановка.

Несмотря на переполненный салон, я быстро оказался возле водительского кресла. Наклонился, посмотрел вперед через лобовое стекло. Взглянул и замер в полнейшей растерянности. Просто перед автобусом в свете его фар удивительно отчетливая вырисовывалась высокая каменная стена. Она начиналась у развалин старой мельницы, пересекала дорогу и терялась где-то в глубине частного сектора, разрезая на две половинки один из ближайших домов.

Ничего выговорить я просто не смог. Меняхватило только на то, чтобы вытянуть вперед руку и показать на мчавшееся нам навстречу каменное препятствие.

Стена приближалась, но кроме меня это никого не волновало. Пассажиры, кто не спал, развлекали себя прослушиванием музыки и играми в телефонах. Водитель, кажется, и вовсе ничего не видел. Нет, мой жест заметил, но истолковал его по-своему. Медленно кивнул и слегка повернул руль правее...

Стена врезалась в автобус, я закрыл глаза, ожидая звона разбитого стекла, скрежета металла и того, что неотвратимо последует дальше. Но ничего подобного не случилось. «Икарус» плавно сбавил скорость, грузно остановился. В тот же миг послышалось шипение пневматики, выталкивающей дверь.

Я решился открыть один глаз. Удивился. Все было так,

как и должно было быть. Открыл второй. Не было никакой стены. Дорога, знакомая дорога. Все точно так, как и месяцем ранее, когда мы с коллегами жарили шашлыки. Там, совсем рядом, в тени старой мельницы...

Водитель внимательно посмотрел на меня и вопросительно кивнул.

– Спасибо! – я быстро соскочил с подножки, отошел на два шага и остановился на тротуаре, планируя оглядеться, прийти в себя и собраться с мыслями. Не удалось, ни то, ни другое, ни третье...

– Сережка, солнце мое!

Повернул голову, смотрю, ко мне бежит светловолосая девушка, сияет обворожительной улыбкой, широко расставила руки, планируя обнять если не весь мир, то, как минимум меня. От такой смены обстоятельств я растерялся окончательно. А ведь о моем приезде никто не знал! Не должен был знать...

– Как хорошо, что ты приехал! Сто лет не виделась!

Пока я растерянно мигал глазами, девичьи руки (на удивление сильные) обвили меня, незнакомка повисла на моей шее. Лишь тогда, глядя в насмешливые карие глаза, сияющие в свете уличного фонаря, я наконец-то понял – никакая это не незнакомка, это же Аленка!

Давно это было, работали вместе. Была такая конторка, как мы сами ее называли ООО «Рога и Копыта», если честно, даже вспоминать противно, единственное позитивное вос-

поминание – Алёнка. Она просто не уставала скрашивать скучные и однообразные вялотекущие рабочие дни. Сразу выплыло из недр памяти: утро, прихожу на работу, устраиваюсь за столом, настроение рабочее, все отлично и тут заходит Алёна. Заходит не то слово, она влетает, рассмотреть лицо задача нелегкая, почти невыполнимая. Глаза упорно возвращаются к платью. Взгляд колеблется на уровне талии, выше, ниже. Казалось ничего особенного – длинное черное платье. Очень длинное, почти до щиколоток вот только в некоторых местах уж слишком прозрачное... да... Или по-другому. Кажется обычная одежда, никаких прозрачностей, одно только сомнение терзает, все не могу понять, что на ней надето, короткая юбка, или все-таки широкий пояс? Да! И вот такое чуть не каждый день. В подобных случаях бросаю ручку, отодвигаю клавиатуру, достаю сигарету – все, говорю, работы не будет!

– Привет Олёнка! Правду говоришь, давно не виделись. Но как ты здесь? Откуда?

Почему «Олёнка», и именно так, на «О» и через «ё»? Не знаю. Как-то однажды так ее назвал, вот и не мог остановиться. Бывает такое, прилепится какое-то нелепое словечко и никуда от него не сбежать.

– Не волнуйся. Чистейшая случайность. Мы друга проводжали. На твой же автобус. Уехал уже. Вот мы здесь. Но ты даже не думай. Сейчас же едешь с нами! – заметив, или скорее почувствовав, что я намериваюсь увильнуть, она добави-

ла. – А отсыпаться будешь завтра, а то и послезавтра!

Вот так и начался мой приезд. Чуть-чуть посидели, чуть-чуть углубились в воспоминания и в результате дома я оказался только под утро. Далее, правильно говорят, как начнешь, так и пойдет. Словом, почти неделя выпала из жизни, но вот наконец-то все закончилось, и вместо веселых застолий в мою жизнь ворвалось то, чего мне не хватало больше года – самое настоящее спокойствие!

Глава седьмая

Что-то я замерз! Сильно замерз. Повернулся на левый бок, ноги поджал – потеплело, только несильно. К тому же в плечо что-то уперлось, мелкое что-то, угловатое, твердое...

Вот понимаю, что уже утро, понимаю, что вставать пора, а открывать глаза совсем не хочется. Отпуск у меня, долой ранние подъемы! Мне бы поспать еще немножко, понежиться. Но чувствую, не удастся, двери кто-то настежь открыл и вместе с утренней прохладой запустил в комнату громкие птичьи трели. И опять-таки плечо, нет, ну что там такое?

Прошла еще минута. Сдался я, не выдержал, потянулся, недовольно зевнул. Открыл глаза, непослушные веки лениво приподнялись, впуская видимый мир в пробуждающееся сознание, но почти сразу опустились. Не понял! Вообще-то у меня много чего в жизни бывало. Много и разного, но чтоб вот так, это точно впервые...

Оказалось, лежу я в тени высокой кирпичной стены, в траве, хорошо хоть одет! Нет, я не спорю, может кому и не новость, ничего страшного, нормальное начало дня, а мне так диковинка. И ладно бы вчера погостил где-нибудь, было бы хоть не так обидно, а ведь нет. С дружескими встречами покончено. Последние два дня не пил, ни капельки, честное слово!

Но случилось, значит, случилось, а делать-то что-то надо!

С огромным трудом поднялся – все тело затекло. Прижался к стене и энергично замотал головой. Наверное, слишком энергично, в голове загудело, в глазах потемнело, в животе заурчало – чуть не упал. Но все-таки неординарность ситуации и хоть какие-то физические упражнения заставили сонное сознание зашевелиться. Кое-как удалось прогнать остатки сна. Огляделся – знакомая местность! Да что там знакомая?! Старая мельница, то самое место, где мы с друзьями шашлыками и культурной программой насыщались, метров пять пройти и памятная полянка будет. «Пойду, – решил я, – туда, в том направлении, на дорогу выйду...»

Наверняка я выглядел весьма экстравагантно (хорошее словечко, надо будет Питекантропу сказать при случае, ему точно понравится!), выбираясь из густых кленовых джунглей. Одно радовало, рано еще, нормальные люди спят, есть шанс, что никто из знакомых не увидит. Никто насмехаться не будет.

Так, размышляя и прихрамывая, я приковылял на край знакомой полянки. Изрядно же мы натоптали, столько времени прошло, а трава никак не восстановится. Хотя, может это и не мы. Может, кто после нас?

Просто по центру кострище. Я присел, как оказалось, именно на то место, где сидел тогда... раньше, как давно это было! Отчетливо всплыла в памяти картина: Даша, исчезающая в чаще кленовых зарослей, ее рука манит, зовет... Тем временем солнце, которое к моменту моего пробужде-

ния лишь немного приподнялось над горизонтом и позолотило верхушки деревьев, померкло. Не иначе как тучка набежала. Я же снова почувствовал себя как тогда, поздним вечером...

Как и тогда листья колыхнулись, удивительно, могу поклясться вижу нежную ручку, тонкие пальцы шевелятся, зовут за собой, манят. Практически не понимаю что делаю. Встаю и медленно иду. Ветки больно царапают лицо, но руки совсем не слушаются, не хотят они напрячься и отодвинуть назойливые колючки. Но ничего, ведь осталось немного, метра полтора, полметра, еще меньше. Неожиданно впереди выросла стена. А это оказывается больно!

Опять я оказался на траве. Чувствую, по лицу течет что-то теплое, что-то липкое. Понимаю, что кровь, но так не хочется в этом убеждаться!

Нет, с этим надо завязывать. Собираться, подниматься, домой идти. Надо, но как себя заставить?

Что сказать – делаю успехи! Еще днем ранее не мог и представить, что проснусь утром на голой земле под деревом, а теперь, пожалуйста, могу, умею. Более того, еще и домой вернусь с исцарапанной и разбитой физиономией – лучше просто не придумашь!

Непроизвольно повернулся к стене – обычная кирпичная кладка, никаких намеков на двери. С чего, спрашивается, я собирался ее таранить?

Глава восьмая

Пыль, густые облака которой мгновение назад застилали всю землю, улеглась. Вновь перед моими глазами простилась бескрайнее поле травы. Унылая серость уступила место свежей зелени. Все стало красивым и как никогда торжественным. Совсем как тогда, когда мы гуляли вдвоем. Во всяком случае, очень похоже...

Полуденное солнце ярко осветило поле битвы. Его лучи отразились от начищенных до блеска доспехов и тысячами солнечных зайчиков разлетелись вокруг. Стало так красиво, так нарядно, что я непроизвольно насторожился. Это не может быть просто так! Что-то должно случиться. Вот-вот, просто сейчас. Я знал. Я предчувствовал. Я ждал.

Войска в долине тоже ждали.

Скорее почувствовав чужое присутствие, нежели увидев надвигающуюся тень, я повернул голову. Рядом со мной, да буквально на расстоянии вытянутой руки парила огромная птица. Было что-то в ее облике страшное, пугающее, отталкивающее. Точно знаю, что ее сородичей я ранее не видел. Своими глазами не видел, разве только в кино или по телевизору. Действительно, не видел, тем не менее, я ее сразу узнал, я не сомневался – это стервятник, пресловутый предвестник битвы.

Мгновение замешательства. Страшная птица подозри-

тельно-внимательным взглядом посмотрела на меня, отлетела немного в сторону, медленно раскрыла клюв, наверняка что-то крикнула, замерла, будто прицеливаясь, и ястребом метнулась ко мне. Как ни странно, я был готов к столь безобразному поведению невоспитанной птицы, более того, мне удалось увернуться от огромного птичьего клюва, но острый коготь расцарапал плечо. Кажется, я даже закричал, нет, точно закричал, но не услышал и собственного голоса.

Тем временем стервятник отлетел и снова приготовился нападать...

«Стоп! Я точно знаю – стервятники, по сути своей и характеру, падальщики, следовательно, питаются исключительно падалью. Я же себя падалью не считаю. И имею на то весомые причины. Нет, правда, достаточно ведь просто логически подумать – я живой! Кроме того, это мой сон, и исключительно мое право решать, что и кому в нем делать. Вот так!».

Прямо перед собой я видел птичий глаз. Большой, серый, в нем отражался я, такой маленький, в сравнении с огромной страшной птицей. Но что-то изменилось. Стервятник уже не собирался меня царапать, не хотел рвать клювом. Просто смотрел на меня и в птичьем взгляде читался немой вопрос – правда ли то, что он не питается мне подобными? Я даже кивнул, медленно так, степенно, чтобы ему понятнее был ход моих мыслей. Похоже, подействовало. Злобная птица еще раз широко раскрыла клюв, на этот раз будто зевнула

и медленно отлетела в сторону. В нескольких метрах от меня снова покосилась на меня, но уже с полным безразличием в пустых глазах.

Пока я препирался со стервятником, ландшафт подомною изрядно изменился. Многотысячное воинство рассеялось, словно нелепые сомнения и на освободившемся месте проявилось строение мрачной архитектуры, которое с высоты нашего полета выглядело большим равносторонним крестом. Секунду оно просуществовало в виде легкой призрачной дымки, обрело форму и застыло в камне.

Вокруг сооружения просто на моих глазах выросла высокая стена, сложенная на сухую из массивных валунов. Возле ворот, мощных, резных, деревянных, из пыльного облака материализовалась карета. По тому, сколько пыли витало в воздухе, несложно было понять – не волшебство это и даже не мистика. Повозка только что остановилась, облака поднятой нею пылью медленно оседали, из нее, постепенно и неспешно вырисовывалась реальность.

Вернулась приятная прозрачность чистого воздуха. Почти сразу камни, сложенные в стены и здания перестали меня занимать, вниманием завладела карета и четверка коней, черных, словно смола, что били копытами у ворот. Люблю я лошадей, хоть немного и побаиваюсь...

Кучер спрыгнул с козел и направился к расположенной рядом с воротами дверке. Постучал ручкой кнута. Ответа не последовало – ударил ногой несколько раз. Дверь широко

распахнулась, на пороге показался седовласый сгорбленный старичок. Он внимательно осмотрел приезжего, карету, заметил герб на дверце, вздрогнул, низко поклонился и что-то эмоционально крикнул. Возница что-то ответил, тот кивнул, поклонился еще ниже, похромал к воротам, толкнул одну створку, вошел во двор и скрылся в густой тени деревьев.

Тем временем неизвестный, чья карета остановилась в тени высокой стены, вернулся к своему транспортному средству, распахнул дверцу. Там, в глубине мелькнуло бледное лицо, бледность которого подчеркивал черный капюшон. Уверен, это было лицо человека, смотрящего ввысь, в небо, похоже, он лежал на одном из диванов.

Возница вздрогнул и что-то сказал, скорее, прокричал, сильно, надрывно, с болью, а затем аккуратно прикрыл дверь. Его голова склонилась, плечи опустились...

Я, заинтригованный, ожидал продолжения. Оно же не заставило себя ждать. Привратник вернулся в сопровождении высокого мужчины, одетого в длинные черные одежды. Рыса? Конечно, да просто вне всяких сомнений! Ведь строение это – монастырь!

Мужчина вышел за ворота, приблизился к карете, заглянул внутрь, застыл, будто сраженный молнией. Поднял взгляд вверх. Некоторое время он стоял, глядя в небо, словно ждал сверху подсказки. Небо молчало. Я также молчал. Ничего не менялось, лишь время продолжало свой неумолимый бег. Вот он принял решение, обреченно кивнул, при-

зрывно махнул рукой и неторопливо направился во двор. Следом за ним поковылял и привратник, предварительно вытащив из кареты большой темный сверток. Что-то нашептывало мне, что этот сверток и есть тот, чье бледное лицо я видел несколькими минутами ранее. Грустная подсказка...

Возница остался стоять у кареты, но стоял он лишь минуту. Как только монах со стариком скрылись в глубине двора, он медленно опустился на землю, сел, голова безвольно запрокинулась, капюшон сполз и на плечи упал водопад длинных густых каштанового цвета волос...

Я открыл глаза и стер с лица холодный пот. Нет, но это уже слишком! Надо что-то менять. После таких сновидений вся подушка мокрая. К тому же рука болит. Встал, одернул занавеску – вот это да, плечо расцарапано, наволочка в крови! Ладно, такую мелочь как лишние разнообразия сны еще можно понять, ведь о чем думаешь, то и снится, но кровь, она-то настоящая! Благо рана неглубокая, да и затянулась уже.

– Ты уже проснулся? – мама зовет завтракать. – Вставай соня! Ой, что случилось?

– Даже и не знаю, скорее всего, родинку какую-то зацепил во сне. У меня их много...

Мама с сомнением посмотрела на меня, печально покачала головой и вздохнула:

– Пошли уже, завтрак стынет!

Пока я безо всякого энтузиазма ковырял вилкой котлету,

которая, на мой взгляд, была слишком большой для завтрака, мама отвернулась к окну и отстраненно смотрела во двор. Я не выдержал:

– Мам, да не сердись ты! Хочешь, я сам наволочку постираю?

– Да причем здесь наволочка! Я за тебя беспокоюсь, видела я твой шрам, никакая это не родинка!

– Но...

– Не перебивай старших и не учись врать. Я же вижу, снова это повторилось.

– Что «это»? Что повторилось?

Мама с нежностью и грустью во взгляде посмотрела на меня. Печаль в ее глазах заставила меня позабыть о завтраке. Я всмотрелся в мамины глаза, она печально покачала головой и отвела взгляд. Снова посмотрела на меня, но теперь место печали заняло сомнения, она хотела что-то рассказать, вот только не решалась. Вряд ли стоило торопить ее, не тот это случай, тут надо просто подождать.

Время шло. Она мысленно боролась сама с собой, я молчал и не отводил взгляд. Вот она приняла решение. Грустно улыбнулась:

– Конечно же, ты не помнишь, маленьким был еще... тогда. Даже не знаю, как тебе рассказать... Если коротко, то было у тебя уже подобное, просыпался утром весь в порезах, постель в крови и рассказывал такое, во что никто не хотел верить... скажи правду, вот что произошло?

– Ничего особенного. Просто спал. Кажется, что-то снилось, – я попытался изобразить задумчивость и одновременно беззаботность. – Снилось, будто летал. Птицы какие-то были. Большие. Кажется, одна из них меня поцарапала. Но ведь это только сон!

Мамино лицо помрачнело сильнее.

– Может и сон, но... было тебе тогда годика четыре. Так вот, однажды утром захожу к тебе в комнату, а ты лежишь в постели весь в крови. Чуть не все тело в ссадинах, а ты молчишь, только улыбаешься, странно так. Весело и в то же время грустно. Как мы тогда перепугались! В то время мы не здесь жили, а в доме родителей твоего отца. Как раз свекровь зашла, а я тебя на руках держу сама в крови, ты в крови. Что она себе надумала, да и что ей было думать?! А что было потом! Даже вспоминать не хочу. Мы чуть не месяц практически не спали. Друг другу не верили, всю ночь возле твоей кровати сидели я, отец и бабушка Вера. Некоторое время все было спокойно, как вдруг своими глазами увидели – у тебя на руке порез сам собой появляется! Ужас... пригласили ба-тюшку, бабушка настояла. Знаешь, помогло. Порезы затянулись, а новые не появлялись. Скоро и шрамы рассосались, словно сами собой, будто и не было их вовсе. А после и боль воспоминаний приутихла.

– Мам, а что я тогда рассказывал?

– То же что и сейчас, отшучивался. Ты всегда таким был. А иногда что-то о войнах, о монастырях каких-то. Я тогда

еще отцу запретила при тебе книги вслух читать. Ты ведь знаешь, его ничего кроме как про войну да кражи с убийствами и не интересует.

Может, расшалилось воображение, может, я действительно вспомнил, будто бы я, тот самый, что и сейчас, но маленький еще, иду в школу. Дорога ведет меня мимо старой мельницы. Мне остается пройти всего полсотни метров, миновать ее, но я останавливаюсь. Любуюсь. Вот оно! Никакой мельницы нет, впереди, пышущее величием сооружение, окруженное высокой стеной. Утро. Торжественную тишину нарушают только птичьи напевы, но вот замолкают и они. В наступившее безмолвие врывается новый звук, мощный и возвышенный – торжественно звучат колокола. Это продолжается лишь минуту не более, видение растворяется и только угасающие отголоски бронзового перезвона еще долго висят во влажном утреннем воздухе. Медленно растворяются в утренней безмятежности.

Было или не было, не знаю, да и никто того не знает...

Мама ушла на работу, оставив меня скучать в одиночестве. Это весьма благоприятствовало тому, на чем настаивало мое сознание. Оно хотело заняться тем, что было наиболее полезным в моей ситуации – всего лишь остановиться, сесть и хорошенько поразмыслить.

За те два часа, которые я просидел в кресле, практически не двигаясь, я добился одного – затекли ноги. Не перестаю удивляться, почему, когда пытаешься думать о чем-то кон-

кретном, в голову лезет что угодно, кроме того что нужно?

Поднявшись, я чуть было не упал, пришлось вспомнить о том, что полезно в любое время суток, об утренней гимнастике. Размялся, ожил, даже мрачность мысли и та ушла, ведь был все-таки результат от моего мозгового штурма, точно был. Я пришел к логичному выводу – нужно хоть что-нибудь узнать о нашей старой мельнице, а еще лучше, о самом монастыре. Все-таки знания никогда лишними не бывают, хотя и польза от них частенько сомнительна.

Глава девятая

– Ну, здравствуй, здравствуй внучек! Совсем меня старого забыл. Чего глаза прячешь? Вижу, еще не весь стыд растерял. Осталось немножко. А коль осталось, так проходи, нечего мне забор подпирать, он еще и сам неплохо держится!

Это ж только представить – целых два года не видел дед! Ладно бы слишком занят был, или, к примеру, свободного времени кот наплакал. Так нет же! Как-то все не мог собраться, решиться, прийти. Месяц не мог, год не мог, еще один, вот и накопилось.

Дед же за все это время совершенно не изменился. Разве что чуть-чуть потолстел. Хотя, худым я его вообще не представляю. Худоба ему не к лицу. Никоим образом. Это именно тот случай, когда хорошего человека должно быть много, а дед на самом деле хороший человек. Даже очень хороший, а раз так, то его должно быть как можно больше.

Добрый он, веселый, жизнерадостный! Оптимист до мозга костей. Хотя нет, не так, сказать, что он оптимист это все равно, что просто промолчать. Он на порядок оптимистичнее любого оптимиста. Вот просто во всем, что только произойдет, он тут же найдет позитив. Да и просто он человек с чувством юмора, любит байки травить, анекдоты рассказывать. Приврать любитель, не без этого. Но приврать не с корыстной целью, ни в коем случае, а исключительно для пу-

щей веселости!

Сколько я его помню, он никогда ни с кем не ссорился, наоборот, вот только впервые увидит человека, все сделает лишь бы с ним подружиться. Хотя был один случай, то самое исключение, которое и подтверждает правило. Сосед, вот оно, это исключение.

Лично я точно не знаю, но почти уверен, что они были знакомы всю жизнь. И всю жизнь дружили. Долгие годы друзьями были, самыми что ни на есть закадычными. Чуть что помочь кому нужно, так они завсегда. И по работе и по хозяйству. Дедушка в те времена в колхозе трудился и, бывало, то мешочек зерна, то соломки привезет, ну, конечно же, с соседом поделиться не забывает. Всегда так было, но вот однажды, не знаю по какому поводу, да пожалуй, они и сами уже не вспомнят, разругались старые друзья. Наверняка, как и большинство крупных ссор – из-за какой-то мелочи. И стали они с той поры врагами, такими же заклятыми, какими до того были друзьями. Столкнутся, бывало, на улице, так сразу тот, кто первым другого заметит, шасть в переулочек и ходу, только бы не здороваться. Там уже переулками, тропинками, а где и огородами...

О чем это я? Ах да, касательно деда. Помнится, я еще в школу ходил, давно это было, весна только вступала в свои права, да что там «только», пару дней как снег сошел. Возвращаюсь я со школы, иду мимо дедушкиного двора. Подхожу, а там, ну просто митинг начался. Выступает, конечно

же, дед. Сам лукаво улыбается, люди же искренне смеются. Веселье, одним словом! Как после оказалось, один из соседей похвастался, что уже успел картофель посадить. Так мой дед не растерялся, спускается он в погреб, картошки набрал, такой, чтоб крупнее (да мелкой у него никогда и не было!). Взял мешок, лопату и быстро на огород. Выкопал ямку, картошки набросал и ждет. Тут сосед, тот, который на картофельную тему разговор начал, идет по переулку. Дед тут-таки нацепил серьезную мину на лицо, разрывает землю, достает клубни один за другим, разглядывает внимательно так и приговаривает: «Что-то рановато в этом году картошечка уродилась. Крупная вся, да еще много так, вот даже не представляю, куда девать столько! Не иначе как погреб углублять придется...»

В этом весь мой дед! Такой вот он. Добрый, смешливый, находчивый и до чего же приятно стоять перед ним, видеть, как он укоризненно головой покачивает, а глаза улыбаются, видно ведь, невооруженным глазом видно – радуется он!

Пока я перебирал воспоминания да разглядывал окрестности, узнавая знакомые с детства вещи, дедушка на скорую руку накрывал на стол. Как и должно было быть, главенствующее место в аппетитном натюрморте занял высокий графин. Сосуд из толстого стекла, заполненный жидкостью подозрительного желто-зеленого цвета.

– Хоть попробуешь, натур продукт, так сказать! Свое производство, собственное. Вот зашел бы месяцем ранее, испро-

бовал бы коричневую настойку, то на шиповнике, а сегодня у меня в меню иной напиток, вот он, на зверобое...

Сколько его помню, любил дед пригубить чего-нибудь, что покрепче. Не то чтобы слишком злоупотреблял, просто не отказывал себе в удовольствии. Выпивал частенько, не признавал мелкой посуды, при этом никогда не допивался до того, чтобы потерять человеческий облик. Да, на счет посуды, это он сегодня на стол стопочки поставил, это я пришел, а был бы, кто опытнее в этом деле, стояли бы у графина проверенные временем «граненные». При всем при этом дед на здоровье никогда не жаловался. Помню, года три назад он впервые в жизни в больницу попал, там регистратура, его оформлять, так нет, не могут, оказалось, на него за всю его жизнь даже карточку не завели...

Да, здорово все-таки снова оказаться у деда в гостях! Проведать, погостить, поговорить, просто воочию убедиться в том, что у него все хорошо. Но, если совсем честно, была у меня другая причина, побудившая вспомнить о старике, другая цель имелась, сознаюсь, корыстная. Дело в том, что дед всегда отличался пристрастием к истории, в особенности истории родных мест. Может и странное увлечение для человека чье образование ограничивалось четырьмя классами сельской школы, но деда не прельщали лавры великих историков. Его интересовали не столько факты, сколько рассказы, легенды, а то и вовсе сказки, но не все так условно и эфемерно, было у него и небольшое документальное подспорье.

Весьма скромное собрание разнообразных документов исторических и не только. Правда, основу коллекции составляли всевозможные квитанции да извещения, которые датами охватывали весь прошлый век (еще бы, ведь за всю жизнь дед не выбросил ни единого корешка, ни единой бумаги с подписью!). Это, конечно же, макулатура, но среди абсолютно бесполезных пожелтевших от времени листов можно было отыскать и действительно интересные экспонаты: карты, старые письма, векселя, да и просто массу любопытных документов. Собственно, я и подумал, у кого еще смогу разжиться информацией о старом монастыре...

Конечно, деду совсем не хочется вспоминать историю, особенно учитывая то, что он впервые за последние годы видит любимого внука, кроме того не следует забывать и о накрытом столе. Да и просто, о чем это я, какая история, совесть надо иметь! Хоть какую-нибудь. Потому я принялся развлекать деда рассказами о том, как жил, что делал на протяжении последних нескольких лет.

Лишь в тот момент, когда через узкое горлышко графина можно было достаточно отчетливо рассмотреть дно, я решил, что пора переходить к делу. Лучшего момента и не дождешься. Уж я-то деда знаю! Еще с раннего детства я неоднократно убеждался – когда дед немного подвыпивший, у него можно выпросить все что угодно. Хотя, он и без того последнее отдаст...

– Дедуль, помню, у тебя архивчик имелся. Вопрос у меня,

а нет ли в нем чего-нибудь этакого. Как бы тебе сказать... одним словом, меня интересует монастырь, который был на месте старой сельхозтехники.

Дед авторитетно кивнул, тяжело поднялся со скамейки и неуверенной походкой направился в дом. Минутой позже вернулся, держа в руке увесистый металлический ящичек, окрашенный в ярко-красный цвет, с удерживающим крышку маленьким навесным замочком. Вот и свершилось! Я получил доступ к сейфу. Так дед называл свой ящик. Ключ от замка он всегда носил с собой на цепочке от часов. И вовсе неважно, что этот сейф можно было открыть любой отверткой – дед считал его секретным и очень надежным.

Одна за другой из ящичка вынуты стопки бумаг, разложены на столе. Что тут скажешь, а у деда в хранилище порядок и систематизация! Большая часть документов расфасованы в полиэтиленовые пакеты, письма в конвертах сложены и обвязаны тесемками в пачки. Листы большего формата аккуратно разложены по картонным папкам, озаглавленным казенным и безликим «Дело №».

Лишь когда из сейфа были вытряхнуты последние квитанции, застрявшие под угольником, призванным укрепить стык дна и стенки, я осознал свою ошибку, но было уже поздно. Дед подровнял стопки бумаг на столе и принялся пространно рассказывать историю каждого документа, который попадался ему на глаза. В рассказе он коснулся и подразверстки, и коллективизации. С малопонятной совре-

менному человеку гордостью показал мне первую квитанция за электроэнергию. С удивительной теплотой процитировал несколько писем, которые когда-то давно писала ему будущая жена, моя бабушка. Вкратце охарактеризовал газеты прошлого (попались под руку вырезки из «Правды»)...

Несколько раз я пытался вернуть разговор в желаемое русло, но, в конце концов, смирился. Тут ничего не поделать, если дед оседлал любимого конька, его на землю не спустить, остается только ждать.

А он таки постарел! Нет, правда! И дело вовсе не в морщинках, множество из которых добавились за последние годы. И не в том, что левая рука, по всему видно, ведет себя все непослушнее. Ярким сигналом о возрасте стало то, что деда хватило лишь на полчаса. Не иначе как годы берут свое. А ведь раньше он мог часами говорить, рассказывать, не пропуская ни единого корешка, ни единой квитанции!

Я дождался паузы и тут же поспешил вставить слово:

– Дедуля, так у тебя есть что-нибудь о нашем монастыре?

Дед задумался.

– Это о том, который Святого Василия? Да нет, откуда?

Самое раннее из того что у меня имеется – вот это фото. Это одна из первых фотографий мельницы, которую на его месте соорудили. Да еще и не факт что монастырь вообще существовал...

– А я-то думал...

– Не знаю, зачем оно тебе, но надо, значит надо. Я думаю

так, если хочешь что-нибудь узнать из прошлого, дорога тебе одна – в архив. Кстати там моя старая знакомая заведует. Договорюсь, поможет. А еще, вдобавок к архиву, загляни-ка ты в церковь к отцу Алексию, все-таки монастыри, это по церковной части, может, чем и поможет.

Занимательная деталь. На столике передо мной лежала фотография. Ничего сверхъестественного, обычное черно-белое фото, или наклеенное на картон, или на нем отпечатанное. Несмотря на то, что в то время когда она была сделана о цветной фотопечати и не помышляли, выглядело фото очень даже впечатляюще. На переднем плане высокое с современную пятиэтажку строение. Узкие окна были бы к месту в башне какого-нибудь оборонительного комплекса, а вовсе не в мельнице. Правее низкая пристройка, не иначе как контора. Чуть одаль ровный ряд приземистых гаражей. Хотя для чего в то время гаражи, конюшни это, не иначе. Точно конюшни! Ворота одной из них приоткрыты и, кажется, сквозь щель протиснулась длинная лошадиная голова. Еще дальше за сараями да амбарами, высокая и, конечно же, каменная стена. То ли недостроенная она, то ли полуразрушенная...

Красиво, но больше всего меня заинтересовало не это. Не лучшее время выбрал фотограф для снимка. Погода портилась. С запада приближалась огромная, черная туча, в момент съемки она расплзлась на полнеба и занимала чуть не всю верхнюю часть картонки. Очертания облака показав-

лись мне подозрительно знакомыми. Я присмотрелся внимательнее и еле удержался, чтобы не забросить фото подальше от себя. Снова! Призрачные очертания темного облака слились в темную громаду монастыря, высокого величественного строения, окруженного надежной стеной, увенчанного куполом с крестом, того самого, из моих видений.

– Дедуль, можно твои очки на секунду?

– Держи, хотя так и подмывает сказать, что в твоём возрасте пора бы и свои глаза иметь! Но, нет, промолчу я...

Держа линзу у самого снимка, я рассматривал изображение. При увеличении облако снова стало облаком, даже странно, что оно мне напоминало здание. Зато небольшое пятнышко в нижней части фотографии обрело форму и стало похожим на высокого человека, одетого в длинные чёрные одеяния. Не понять что это, плащ, а может ряса? Не понять, не разобрать. Но это точно человек, высокий он, статный, просто как тот, который выходил к карете, то ли пришившейся мне, то ли придуманной мною...

А может все гораздо проще и это дедушкина настойка шалит? То облака в монастыри превращаются, то типы подозрительные на фото проявляются! Может, все может...

Глава десятая

На этом письмо с темой «Вагон №2» обрывалось. Я ото- двинулся от монитора, энергично потянулся, не только слы- ша, но и чувствуя хруст уставших от длительного сидения суставов. Удивленно посмотрел на часы, подавил пробиваю- щийся зевок, вот это да – стрелки показывали десять минут восьмого! Что-то я увлекся. Не успел вернуться из командир- ровки и в первый же день переработал лишних два часа. Да ладно бы действительно работал! Так, бездельничал. Выбро- сил на свалку потерянного времени еще несколько безвоз- вратно утраченных часов.

Беспристрастный циферблат напомнил не только об этом – жутко захотелось есть. А еще спать. Что особенно обидно, так сразу и не поймешь чего больше. Но, думай не думай, вывод напрашивается один – надо собирать вещи и бегом бежать домой!

Может, это оттого, что я действительно устал, а может, просто обленился, но готовить не было никакого желания. Решил ограничиться кофе и парой бутербродов. Бутерброд он не еда, но что делать! Правильно, не отвлекаться...

Короткая пробежка от офиса до дома, подъем без лиф- та на пятый этаж плюс чашка крепкого черного кофе. Про- буджающий коктейль! Смесь спорта и кофеина оконча- тельно отогнала сонливость. Несколько бутербродов задавили

желание поест. В пустоте, что образовалась вследствие отсутствия всяческих желаний, как-то совсем уже некстати вспыхнула искорка рабочего энтузиазма. Именно так, дожидывая последний ломоть хлеба с аппетитными кусочками колбаски, я вдруг вспомнил о бумагах, которые привез из командировки и за весь день так и не удосужился разобрать. Конечно, большую их часть надлежало просто выбросить, но пару-тройку документов можно и оставить. «А что, бумагу перекладывать это тебе не камни ворочать, – подумал я. – Разберу их просто сейчас, не откладывая никуда, ни в какой ящик».

Подумал, решил и сделал. Извлек из «дипломата» довольно пухлую папку, развязал запутавшуюся тесемку, вывернул ее содержимое на пол. Сел на ковер. Разложил листики. Присмотрелся. Удивился. Непроизвольно пожал плечами. Оказалось, поток странных посланий не иссяк, как минимум, на сегодня. Перемешанные с договорами, копиями уставов, распечатками чертежей, спецификаций и просто черновиками, на помнившем лучшие времена ковре лежали несколько листов с текстом, написанным не моей рукой, а с ними ксерокопия какого-то древнего письма. Занимательный документ. Текст написан выцветшими чернилами, витиеватым почерком, щедро сдобренным всевозможными завитушками. Поверх красивых, но малопонятных букв виднелось множество свежих пометок карандашом, не иначе как для более легкого восприятия. Похоже, для меня старался... кто-то...

21 (затерто, карандашом выведено «июля») года 1(641)
Милостивый государь наш, архимандрит Илларион!

Брат мой в вере! Прежде всего, должен смиренно просить прощения за то, что имею насущную необходимость беспокоить Вас. Беспокоить, невзирая на то, что в последнее время Вас мало занимают наши земные дела. Все понимаю я, но все-таки прошу Вас прочесть мое послание и лишь после судить, стоит ли оно Вашего внимания.

Я же просто убежден – стоит! Дело даже не в том, что я попал в затруднительную ситуацию, тут что-то намного большее. Нечто, что страшит и подавляет меня.

Обстоятельства сложились так, что я призван вызволять из дьявольского (простите за использованное слово, но Бог свидетель, так оно и есть!) плена брата нашего Евлампия. Уверен, за истекшее время Вы не забыли имени этого святого человека, который будучи анахоретом более десяти лет, узрел знамение. Того самого, который основал монастырь на пустоши в месте слияния реки Грузской с полноводным потоком Черного Ташлыка.

Имею смелость напомнить Вам, что года двадцать первого именно Вы освятили новостройку и имели долгий разговор с братом нашим. В дальнейших же беседах Вы часто вспоминали его по имени и неоднократно выказывали намерение навестить его.

Поверьте мне, еще год тому назад дела у братьев шли

очень хорошо. Наверное, правильным будет сказать, что монастырь святого Василия был одной из лучших, если не самой лучшей среди обителей божьих всей центральной Малороссии.

Да, именно так выглядел дом Господа нашего еще меньше года тому назад, но ныне все кардинально изменилось. В сей самый час, я нахожусь в упомянутой мною обители, и поверьте мне, вовсе не в том качестве желанного гостя, в котором я бывал в другие времена. В сей час призвали меня вовсе не для того чтобы усладить мои очи видением величия храма Божьего.

Три дня тому назад поздним вечером у дверей моей скромной усадьбы спешился всадник. Уставший, он еле стоял на ногах, его ряса насквозь пропиталась грязью, с коня ключьями слетала пена. Конечно же, я не мог не предложить ему пройти в дом, переодеться и отдохнуть, но он и слушать меня не хотел. Просто вручил мне письмо, вскочил в седло и был таков.

Самого послания при себе не имею, но я весьма точно помню его содержание. Подписано оно было братом Нестором, как я теперь узнал, весьма и весьма достойным человеком. В тексте было лишь несколько строк – брат настойчиво просил приехать, поясняя это тем, что отец Евлампий «не в себе».

Думаю, Вы поймете меня. Я не придавал этому, согласитесь, странному и непонятному известию должного значения и не

выехал сразу по прочтении. Да, собственно, я уверен, моя неспешность не могла быть причиной ухудшения ситуации. Ведь хуже уже и быть не может...

Как бы там ни было, сегодняшним утром прибыл я в монастырь святого Василия, где застал отца Евлампия в плачевном состоянии. Как мне позже пояснили, за минувшие несколько дней ему стало хуже. Его богохульные речи вынудили старших братьев, дабы избежать пагубного влияния на молодежь, изолировать его в темной келье, запереть глубоко в подzemелье.

Озадаченный тем, что произошло, я тут же направился во тьму подвальных помещений в надежде, если не разобраться во всем, так хоть поговорить с нашим собратом, но в тот момент мне и этого не удалось. Дело в том, что лишь только мы спустились в подвал (сопровождал меня брат Нестор), мы почувствовали сильный запах гари. Уже ворвавшись в келью, увидели – там бушевало пламя. Представьте мое состояние, когда я понял что горит молитвенник, единственное что позволили Евлампиию взять с собой! Несколько толстых свечей были ним растоплены, книга густо залита воском. Она неестественно ярко пылала, озаряя тесное помещение. Сам же настоятель лежал распластаный на полу и хриплым голосом выкрикивал слова на неизвестном мне языке. Могу поклясться, что с каждым словом, с каждым звуком его голоса, пламя, в котором сгорали страницы, покрытые святыми письменами, разгоралось все ярче, дым становился все

гуще!

Вынужден сознаться, лишь услышав голос Евлампия, я застыл, мною овладело оцепенение. Я замер, стоя просто посередине помещения и не мог заставить себя пошевелиться. Если бы не брат Нестор, который так своевременно своими руками вынес из кельи объятую огнем книгу и сбил пламя, которое уже пожирало мою рясу, даже не знаю, смог ли я написать эти строки. Увидел бы солнечный свет, вдохнул ли свежего воздуха!

Как только в келье стало темно, настоятель замолчал. Оцепенение покинуло меня, и я подошел к распластанному телу. На все попытки заговорить он не реагировал. Когда же вернулся брат Нестор, держа в руках зажженную свечу, а я коснулся локтя отца Евлампия, тот поднял голову и взглянул на меня. Боюсь не скоро я смогу забыть этот взгляд. В его глазах не было ничего человеческого, скорее то были горящие глаза бешеного волка, нежели человека. Не зная, что делать дальше, я поднял руку, коснулся своего креста, снял его, поднес руку с распятым к лицу, тому, которое некогда было лицом человека. Кажется, огонек в его глазах вспыхнул еще ярче, он вдруг напрягся, казалось, еще мгновение и набросится на меня, но нет, только грозно зарычал и отскочил в дальний угол.

Согласитесь, для первого раза было достаточно. Поддерживаемый братом Нестором, я вышел из кельи, поднялся по ступеням в холл, выбрался во двор и с таким наслаждением

ощутил дуновение легкого летнего ветерка.

Лишь отдышавшись, я решил незамедлительно побеспокоить Вас и смиренно попросить о помощи. Это письмо я тотчас отправляю к Вам с лучшим нашим наездником и умоляю Вас, даже если не сможете приехать лично так хоть письмом передайте свое благословление и подскажите, посоветуйте, как нам поступить...

Глава одиннадцатая

Такое вот письмо. Дважды я его перечитал, а затем перевернул листик. На обратной его стороне, мелким неразборчивым почерком начинаясь с трех точек, было написано:

... На этом письмо не заканчивалось. Канули в вечность два-три абзаца, не пощадило их пламя. Трудно было не заметить, что письмо побывало в огне, как минимум, в непосредственной близости от него. Очень уж красноречиво на это указывало состояние бумаги. Намекали на воздействие температуры темные пятнышки, хаотично разбросанные по листу, а более всего окантовка. Коричнево-черные бархатистые края обуглившейся бумаги...

Сам текст довольно-таки неплохо сохранился, хотя местами приходилось здорово постараться, чтобы вникнуть в его смысл, несколько абзацев я и вовсе написал заново, слишком уж чернила обесцветились то ли от времени, то ли опять-таки от перегрева.

– Это и есть то, что ты искал? – Нина Сергеевна заглянула через мое плечо, внимательно посмотрела на хрупкий документ. Я промолчал, лишь утвердительно кивнул.

Да конечно, у меня не было другого выхода, кроме как прислушаться к словам умного человека, к совету моего деда и попробовать отыскать хоть какую-нибудь информацию

о монастыре в городском архиве. Потому уже на следующее утро я переступил порог местного хранилища истории. Заведующая, Нина Сергеевна, приветливая женщина с коротко стриженными волосами, окрашенными в непередаваемый сиреневый цвет и задумчивыми зелеными глазами, сразу же согласилась помочь. Она выслушала мою просьбу, а когда я честно признался в том, что прихожусь внуком Григорию Антоновичу, широко улыбнулась.

– Конечно, конечно знаю! Хороший человек твой дед. Давно знакомы. Ну, пошли, попробуем хоть чем-то тебе помочь. Знаешь, в наше время так мало людей интересуется историей. Как сейчас говорят? Не рентабельно! Не представляет коммерческой ценности... как-то так. Одна коммерция у всех на уме. Вот и мне, не поверишь, некому дела передавать. А ведь давно пора на заслуженный отдых.

– На пенсию, но вам ведь лет пятьдесят, ну никак не больше!

Она лукаво прищурилась и внимательно посмотрела на меня.

– Точно Гришин внук! Если бы я сомневалась, то сейчас бы все сомнения окончательно развеялись. Один в один! – она лучезарно улыбнулась и добавила: – Не верю, конечно, но все равно спасибо!

Наверняка так и пахнет история. Слегка влажный воздух, наполненный острым запахом пыли, ароматом тления с примесью горелой бумаги. Витало вокруг меня что-то еще, еле

различимое, непонятное, странное. Вот только что это было, тогда я так и не понял.

Мы миновали небольшую заваленную книгами комнату и прошли в длинное темное помещение до самого потолка заставленное стеллажами. На них и покоились всевозможные бумаги. В ящичках, коробках, папках, в пакетах, просто насыпью. Огромное количество бумаг. Казалось на полках уже нет и места, куда можно воткнуть хоть один листик, хоть одну папочку. Да и само помещение было слишком маленьким для такого объема документов. Множество коробок, не уместившихся на полки, попросту лежали на полу сваленные под стену. Некоторые картонки протерлись, и документы медленно, будто сами собой, выползали сквозь свежие дыры.

Нина Сергеевна подвела меня к предпоследнему стеллажу и указала рукой на картонный ящик, лежащий на верхней полке практически под самым потолком.

– Достань вон тот коробок. Собственно, это все, что сохранилось с тех давних времен.

Я чуть не упал и попутно не завалил несколько стеллажей. Чудом удалось удачно приземлиться, устоять, не выпустив из рук добычу. Тем временем Нина Сергеевна убрала бумаги со столешницы старого изрядно изъеденного шашелем стола и указала рукой на шаткий стул.

– Вот тебе рабочее место, располагайся. Смотри, изучай, не буду мешать.

Я поблагодарил заведующую и тут-таки взялся за дело. Выложил содержимое ящика, заглянул внутрь, убедился в том, что ничего не осталось на дне, и начал неторопливо возвращать совершенно неинтересные мне бумаги обратно в коробку, попутно разглядывая их. Справился достаточно быстро, слишком уж мало было документов, в разы меньше, чем я рассчитывал увидеть. В основном это были письма. Скорее всего, их содержание заинтересовало бы не одного профессионального историка, но меня, дилетанта, они не занимали. Все за исключением одного, вернее двух. Первым, которое пробудило мою веру в успех, было поздравление, неизвестно кем написанное и неизвестно кому адресованное. Кто-то кого-то поздравил с окончанием постройки церкви на территории будущего монастыря. Вот и все. Ни имен, ни названий или намеков на таковые, ни дат. А вот второе, то самое с просьбой...

– Нина Сергеевна, скажите, откуда здесь это письмо?

– Это один из тех вопросов, ответов на которые у меня нет. Скажу только одно, лет десять назад, может чуточку больше, один историк его изучал, не вспомню фамилию. Более всего его интересовало, кому это письмо адресовано. По моему он так ничего и не выяснил. Да, еще отец Алексей, священник наш, любопытствовал, примерно месяц назад.

– А все-таки, почему оно здесь, его, насколько я понимаю, должны были куда-то отправить?

– Конечно, – она пожала плечами и продолжила, – долж-

ны были. Возможно, тот, кто писал это послание так его и не смог его отослать, вот оно и здесь. А может, отправил, а адресат приехал уже с ним. Не знаю. Если тебя это действительно занимает, попробуй поговорить со священником. Его эта тема очень волнует. Кажется, он даже вынашивает планы восстановления монастыря!

– А вы не будете возражать, если я сниму копию с документа?

– Нет, конечно, но ты ведь не думаешь, что у меня ксерокс имеется?

– Здесь отделение банка через дорогу. Я быстренько сбегаю? Верну в целости и сохранности, обещаю!

– Это против всех правил, но куда тебя денешь!

Старый:

Серж, ты пытаешься получить ответ, толком не задав вопрос. Я о том, что лично мне кажется логичным детально описать ситуацию, а потом уже ожидать какого-нибудь совета. В противном случае будешь иметь изобилие умных замечаний вроде того, что тебе Алекс написал, тот, который с номером 12. Пиши, жду.

Старый:

Серж, ты куда пропал?! Это уже как минимум невежливо. Поднял тему, а сам исчез! Вернись к нам!

ВиТек:

Да не мешай ты человеку! Он там во снах своих... парит.

Куда нам земным до него... пуццай полетает!

Давненько я не заглядывал на форум, а если честно, то и сейчас не очень хочется...

Серж:

Старому. Так я же тебе все описал. Почти детально. Даже не знаю, что еще добавить. Вот недавно привиделось, даже не уверен, что спал. Видел монастырь. Похоже, было это лет триста тому назад. Какая-то карета подъехала, на козлах девушка. Вернее я так думаю. И постоянно ощущения такие, будто все кто в моих снах появляются, на меня смотрят, будто ждут чего-то. Разрешения, совета, а может помощи. Так как-то...

Старый:

А монастырь был только однажды?

Серж:

А ведь и вправду! Постоянно. Как сейчас вижу – на горизонте темнеет. На переднем плане войска выстроились, а там... Да, точно, это не лес, не облака, каменное здание! Только как бы нереальное оно, расплывчатое, почти прозрачное. А ты откуда знаешь?

Старый:

Наверное, для тебя это будет звучать как минимум странно, более того, полным бредом, но все-таки я должен сказать вслух – тебя выбрала судьба. Или по-другому – ты избранный!

Серж:

Да. Касаемо «брёда», не могу не согласиться. Очень смахивает. Нет, ну ты не преувеличиваешь? Слушай, даже слова не подбираются. Избранный, это как? Герой с какими-то там выдающимися способностями? Значит, теперь мне мир предстоит спасти, да? Смешно!

Старый:

Извини, но я вынужден тебя огорчить. Судьба выбирает не только героев, да и не столько героев. Чаще всего ей нужны «мальчики для битья», как в твоём случае – для публичной порки!

Глава двенадцатая

Я положил листик на стол и щелчком пальцев подтолкнул его к центру столешницы. Интересно, зачем все это? Да, понятно, мой знакомый незнакомец из поезда развлекается. Кто же еще?! Первую часть рассказал еще тогда в пути. Продолжение прислал по электронной почте. Письмо, я так думаю, он заготовил заранее, а отправил только сегодня. Найти адрес несложно, конечно, зная, где я работаю. Может я сам взял и разболтал? Возможно, я ведь почти ничего из поездки и не помню. Ничего, кроме его рассказа да утренней побудки. Может! Все может. А вот эту ксерокопию и свои комментарии к ней, он же вложил в мой портфель, пока я спал. И это вполне реально. Правда, не совсем понятно, как он догадался, что я сначала прочитаю «электронку», а потом возьмусь за бумаги. Неважно это, может он меня и вовсе запрограммировал, может гипноз или еще что-то в этом духе! Или все гораздо проще – не было никакого гипноза, была только логика, элементарная логика?

Но более всего непонятно другое – вот зачем? Зачем все это? Не представляю! Если чрезмерную откровенность в поезде я еще понять могу, с кем ни бывает, то к чему эта навязчивая переписка? Похоже, ему к психиатру прямая дорога, а что я! Что я могу сделать? Подсказать, дать совет? Не думаю. Я вообще из тех людей, которые не лезут в чужие дела

и уважают тех, кто не лезет в их собственные. Так что совета от меня он точно не дождется!

Еще несколько минут стили прошлым и мне окончательно удалось убедить себя в том, что главное сейчас – отоспаться. Я отложил все бумаги, выключил свет и, не раздеваясь, прилег на диван. Нет, не спать, пока только готовиться, примерить на себя подкрадывающийся сон. Растянулся на мягкой постели, потянулся, закрыл глаза. Почти минуту пролежал без движения, потом вдруг не выдержал и рывком поднялся. Рука сама дотянулась до выключателя настольной лампы, необычайно яркий вспыхнул свет...

– Это хорошо сын мой, что ты решил обратиться к Богу. В наш век вольнодумство – вот главный враг человека! Вместо того чтобы прислушаться к голосу совести, каждый, или почти каждый, готов продать душу дьяволу в обмен на какое-нибудь призрачное благополучие, – отец Алексей громко вздохнул, насупился, не иначе как подбирая слова, подобрал, кашлянул и продолжил: – Именно так. В наши часы, в пору обмана и притворства многие пытаются изображать истинных христиан, но стоит заглянуть в их темные души! Хотя, это я отвлекаюсь. Почти уверен, что и тебя привело в церковь не раскаяние, надеюсь, хотя бы поиск истины. Так чем могу быть полезен, молодой человек?

Порывшись еще полчаса в городском архиве, я не нашел ничего, что могло бы меня заинтересовать. Оставалось толь-

ко сделать копию единственного по-настоящему интересного для меня документа, убрать следы своего пребывания, водрузить коробку на ее законное место, попрощаться с заведующей и удалиться. Собственно, это я и сделал. Скатал в трубочку ксерокопию (все-таки не с пустыми руками возвращаюсь!) и не спеша пошел домой. Дорога проходила мимо одной из двух небольших церквей города. В ней правил отец Алексей. Дверь была открыта и просто манила, приглашала зайти. Я поддался. Решил не откладывать «на потом» запланированный визит и переступил порог храма. Вошел в просторный зал и у самого входа столкнулся со священником.

Не могу сказать, что я хорошо с ним знаком. Скорее, он в хороших отношениях с моим дедом. Трудно сказать, по каким именно вопросам у них общие интересы. Сколько помню, дед был атеистом, не воинствующим, правда, тем не менее...

Но это совершенно неважно, ведь дед практически со всеми в хороших отношениях, важно то, что отец Алексей принял меня радушно, думаю даже более радушно, чем обязывал сан священнослужителя.

– Отче, я пришел просить у вас помощи, – так, как священник уже минуту рассматривал меня, надо было что-то сказать.

– Сын мой, святая обязанность каждого служителя Господа нашего помогать страждущим, да наставлять на путь истинный заблудших! Но чем конкретно я могу тебе помочь?

– Меня интересует монастырь святого Василия, который некогда располагался на месте старой сельхозтехники.

Священник, как казалось, на минуту задумался, затем внимательно на меня посмотрел.

– Свято-Васильевский монастырь? А позволь поинтересоваться, почему именно эта тема тебя занимает? Не пойми меня превратно, в наши дни многие преследуют благие на первый взгляд цели, но истинные причины, что скрываются в тени мнимой благости, порой идут в разрез с политикой церкви...

Пришлось вкратце пересказать события недалекого прошлого.

Священник внимательно выслушал мой несвязный монолог, задумался, полагаю, он пытался понять, реально ли все это выдумать, а если реально, то с какой целью. В конце концов, кивнул и сказал:

– Как ты наверняка знаешь, сын мой, я имею намерение воссоздать величие дома божьего, известного как Свято-Васильевский монастырь. Именно потому я долгие годы выискиваю, где только можно материалы, относящиеся к столь краткому периоду его существования. Немногое удалось найти. Да, то письмо, о котором ты упоминаешь, я видел, – он на мгновение замолчал, а потом повел далее: – А почему мы, собственно, стоим, проходи!

Степенной походкой свойственной только священникам он направился к двери. Решив, что продолжить беседу мы

должны на свежем воздухе я пошел следом. Но отец Алексей подошел к массивной входной двери, закрыл ее на засов, вернулся к алтарю и открыл еле заметную среди яркой росписи стены дверку.

– Ты мужчина, тебе можно, проходи!

Последний, вернее, единственный раз за алтарь я заходил лет пятнадцать назад. Именно тогда я решил, что должен последовать примеру моих предков христиан и также креститься. Много времени прошло с той поры, я уже и не помню, как все происходило. Не помню, что тогда видел, но то, что увидел сейчас, меня изрядно удивило.

Тайная комната, в которую, как известно, женщинам вход закрыт, представляла собой тесное помещение, всю меблировку которого составлял кухонный стол и два табурета рядом. На столе стояла початая бутылка водки, на ней своеобразным колпачком граненый стакан, рядом со столь оригинальным украшением стола расположился массивный чугунный крест, прислоненный к стене. Просто над крестом на гвоздике висела картина в простенькой деревянной раме, на ней довольно симпатичный запечатлен осенний парк. Собственно и все. Такой себе натюрморт с пейзажем...

Будучи истинным внуком своего деда, мне трудно было промолчать. Более того, я уже и рот открыл, намериваясь охарактеризовать увиденное, но все-таки сдержался, проглотил колкие слова, одно слово, за ним второе... глаза священника помогли. Встретился с ним взглядом и сразу передумал

что-либо говорить. Он же лишь покачал головой, пригрозил мне пальцем и сказал, словно пропел:

– Молчи отрок, молчи, не то прокляну!

Словно заправский иллюзионист отец Алексей провел руками над столом, каким-то чудом бутылка со стаканом исчезли, вместо них на столе появилась папка. Обычное картонное вместилище документов, вот только разрисованное под старинный фолиант. Одно мгновение и такие изменения...

Наверняка священник остался довольный произведенным эффектом и моим озадаченным видом. Он искренне засмеялся и скромно заметил:

– Три года в эстрадно-цирковом, это тебе не просто так!

Я мгновенно забыл о фокусах и замер, несколько томительно долгих минут, словно зачарованный смотрел на папку. Я хотел верить в то, что она даст мне ответы, откроет те знания, к которым так стремлюсь. Хотел, но немного побаивался. Не хватало решительности, почему спрашивается...

Собрался с духом. Я уже почти решился протянуть руку и прикоснуться к церковным тайнам, но священник опередил меня и накрыл папку широкой ладонью. А ладонь у него что надо!

– Я смотрю, ты слишком многого ждешь от этой картонки, от этих документов, вот даже пот проступил. Хочу тебя предупредить, там очень даже немного всего. Несколько рисунков, да два письма. Собственно, что это я? Сам смотри.

Сам решай!

Он присел на стульчик и демонстративно отвернулся, глядя на картину, словно в окно. «Почему у меня дрожат руки? И зачем папку так крепко завязывать?»

Наконец-то я справился с хитрым узлом. Развязал тесемку, открыл и высыпал содержимое на стол. Посмотрел и непроизвольно вздохнул. Было от чего! Все сокровища это копия письма, как и та, которая уже была у меня, еще одно письмо, написанное на языке, которого я не знал, полагаю латынь. Ниже копия чего-то похожего на план строевой. Большой чертеж целых восемь листов. Не иначе как план монастыря. Еще фотография. Худощавый мужчина в больших роговых очках на фоне участка каменной стены. На обороте черно-белого фото написано «Остатки фундамента монастыря св. Василия. Археолог Микитич О.А. 19.09.1968 г.». Вот собственно и все. Хотя нет, не все, на дне папки еще что-то было, что-то застряло между картонками. Ткань, нет, что-то завернутое в тонкую ткань. Выкладываю на стол, осторожно разворачиваю – гравюра, не иначе как старинная. Несколько секунд пытаюсь разобраться в том, что вижу. Трудно разглядеть, картинка старая, время потрудились, сглаживая границу между некогда контрастными оттенками.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, когда я уловил, где кончается черный цвет и начинается белый. С тех пор, когда я понял, что именно изображено на рисунке неизвестного автора.

Это был монастырь. Тот самый «мой» монастырь во всей красе!

Непостижимо, как древний мастер, имея в своем распоряжении всего два цвета: черный и белый, смог так реалистично отобразить лишнее и лишество великолепие древней архитектуры! Безусловно, монастырь был изображен в период своего истинного величия. Большое, просто огромное по тем временам здание, увенчанное куполом. Под ним угадывается колокольня, даже колокол можно разглядеть, огромный, под стать зданию. Крепкая, внушающая почтение стена. Две башенки обозначали въезд. Все пространство вокруг поросло дубами. Такими же величественными, такими же надежными. Твердыня, просто крепость божья! Совсем как та, из моих видений...

От наблюдений, которые грозили перерасти в воспоминания, меня оторвал отец Алексей. Оказалось, он уже несколько минут тряс меня за плечо:

– Живой? Вот и хорошо. Вижу, понравилась картинка. Нашлась случайно на чердаке у одной старушки. Долго не могли понять, что это. Что изображено, кто мастер...

Откуда-то из пустоты он извлек графин и налил стакан воды.

– Вот, выпей. Видно здорово тебя монастырь наш задел. Честно говоря, напугал ты меня не на шутку. Да-да! Не видел ты своего лица. Но, похоже, теперь лучше. Да, вижу, вот и румянец уже пробивается.

Глава тринадцатая

Автобус остановился просто посреди степи. Дверь открылась. С легким недоумением во взгляде я посмотрел на водителя, тот утвердительно кивнул. Я кивнул в ответ, добавил к кивку: «Спасибо!» и спрыгнул на пыльную обочину. Автобус покатиł дальше, я растерянно огляделся.

Будто желая разнообразить яркий, но не отличающийся обилием красок пейзаж, в нескольких метрах позади меня блеснул тыльной стороной дорожный указатель. Это все-таки информация. Я подошел ближе, обошел вокруг бетонного столбика, поднял голову, довольный кивнул. На изрядно исцарапанной табличке виднелась стрелка, над которой, лишенная чуть не половины букв, красовалась надпись «Спасовка 9 км». Именно то, что и было мне нужно.

Порядок. Я лишний раз напомнил себе о том, что никуда не спешу и медленно обернулся, всматриваясь в каждую деталь удивительного степного пейзажа. То, что видели глаза, мне действительно нравилось. Симпатичная местность. Степь вокруг. Широкие поля с обеих сторон узкой полоски асфальтированной дороги. Простилались они до самой линии горизонта, только вдалеке перерезались ровными поясками лесополос. Прямые ряды высаженных деревьев, разделяющих на прямоугольники золото полей, радовали взор и поднимали настроение. Но, стоит заметить, более всего радова-

ло то, что часы показывали лишь восемь утра, а солнце еще не успело как следует раскалить приятный и даже чуточку прохладный утренний воздух.

На всякий случай я еще раз взглянул на указатель, на стрелку, проследил за ее направлением. Лишь теперь заметил грунтовую дорогу, черную ленту, петляющую среди полей, исчезающую вдалеке за холмом. Промелькнула не лишняя прозаичной грусти мысль: «А ведь никто меня не подвезет. Придется самому топтать все эти 9 км». «Но ведь это всего лишь девять километров!» – весело ответил я своей грустной мысли, улыбнулся ей и шагнул в ту сторону, куда направляла меня стрелка указателя.

Думаю, ты хочешь спросить, что это за Спасовка, и зачем она мне нужна? Нет? Как это нет! Не могу поверить. Но даже если и так, расскажу, все равно расскажу, всенепременно расскажу! Ведь это не может тебя не интересовать...

Честно говоря, еще пару дней назад я о ней и не слышал. О Спасовке этой. Зато сейчас много чего о ней знаю. Так что слушай – Спасовка, это маленькое село, которое не на каждой даже очень подробной карте найдешь. Село с очень длинной и не очень счастливой историей. Собственно, как и многие другие села. Спросишь, зачем мне туда идти? Хочется верить что надо, очень хочется...

Ну, а если подробнее да понятнее, то направил меня в эту самую Спасовку отец Алексей. В этом самом селе, точнее, в непосредственной близости от него, еще много сотен лет

назад был основан один из тех монастырей, которые являлись собой опорой христианской веры всей центральной в ту пору Малороссии. Монастырь этот существовал, более того, действовал и по сей день. Безусловно, для него, как и для большей части культовых сооружений нашей страны, двадцатый век был не лучшей вехой в истории. Правда, в определенном смысле Спасовскому монастырю повезло. Еще бы, ведь его не сравнивали с землей, в его просторных помещениях не разместили склады, амбары, или что еще похуже. Наоборот, сразу после Октябрьской революции его каким-то дивом признали памятником архитектуры, строения объявили охраняемым объектом, благодаря чему он и поныне довольно-таки неплохо сохранился.

Что тут скажешь, собираясь в дорогу, я изрядно успел подготовиться. Поднабрался знаний. Все-таки полезная вещь интернет. Именно благодаря нему я знаю, что с началом двадцатых годов в пору коллективизации землю и здания монастыря национализировали. Поскольку монастырь был одним из самых богатых в свое время, на его землях образовался колхоз. Впоследствии миллионер. Минимум трижды он менял название. Был и «им. Кагановича», и «Путем к коммунизму». А в самом конце восьмидесятых годов, того самого бурного двадцатого века, именовался он «колхозом имени графа Давыдова». Не скажу точно, почему так произошло, может, какой остряк предложил, остальные же утвердили, не подумав, а может, виной тому было то, что у

вышеупомянутого графа и вправду мелькали в голове революционные мысли. Не знаю. Но факт вещь упрямая, было и такое – колхоз имени графа, расположившийся на монастырских землях.

Это вкратце о селе и расположенном поблизости от него монастыре. Касаясь цели поездки, так это отец Алексей попросил у тамошнего настоятеля разрешения для меня покопаться в архиве...

Так я оказался среди полей. Огляделся, полюбовался пейзажем и побрел не спеша по узкой грунтовой дороге. Красота вокруг. Вдоль обочин с обеих сторон раскачиваются золотистые кудри пшеницы. Налилась она зерном. Еще недельку подождать и пора уборочной. Конечно, если погода не испортится. А она ой, какая непостоянная! Все может произойти, все может случиться. Одно точно, сегодня она портиться не собирается. День обещает быть жарким и солнечным. И не просто обещает, выполняет он свое обещание. Раскаленное небесное светило плавно поднимается все выше и выше, движется оно по кристально чистому небосводу. Поднимается и все сильнее припекает. Никто не в силах ему помешать. Некуда от него спрятаться. Да и на небосклоне от горизонта до горизонта ни облачка, ни намека на таковое. Чистое ясное небо, только еле различимыми точками высоко в небе парят ласточки. Кажется, слышны их приглушенные крики, а может это фантазия моя трудится, дополняет воображаемыми звуками красочную картину летнего дня.

Дойдя до первой же лесополосы, я почувствовал неимоверную усталость. Обернулся назад, посмотрел, как мало успел пройти, взглянул вперед, так много осталось! Тяжело вздохнул, потоптался на месте и... решил передохнуть. Все-таки городская жизнь не пошла мне на пользу – еще немного и вовсе ходить разучусь. А ведь были времена, я, маленький еще, да дед, куда моложе, нежели сейчас, так мы вдвоем в две лопаты за день весь огород перекапывали. А он у деда ой не маленький! Вот и дай мне сейчас лопату, заставь копать – там, на огороде и останусь! Сам закопаюсь...

Отдых. Присел я на зеленую все еще не выгоревшую от летней жары траву, не удержался и, не думая об испачканной одежде, жуках с муравьями, прочих прелестях общения с живой природой, разлегся на земле.

Вот это красота! Надо мною нависает, закрывая полнеба своей кроной, дуб. Где-то в густой листве громко поет какая-то невидимая птичка. Даже любопытно, что это за певец летнего дня спрятался в ветвях? Высоко в небесной синеве резвятся ласточки, а может стрижи, а может... неважно, к чему детали, пускай себе парят. Не буду им мешать. Да и не смогу я. Нет в небе моей власти, могу лишь слушать, смотреть и наслаждаться. Чем собственно я и занялся. Птичек слушал, еле различимый шелест листвы, а вот еще где-то рядом затянул свою песню сверчок. Странно, а я всегда полагал, что он ночной житель!

Откуда-то с той стороны, где должно располагаться село,

донесся новый звук. Занятный звук. Новый он для меня! Не иначе как цоканье лошадиных копыт. Правду говоря, я его таки слышал, частенько, вот только исключительно в кино. А наяву это же куда интересней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.